

Е.А. Прудникова

ВЗЛЕТ и ПАДЕНИЕ «КРАСНОГО БОНАПАРТА»

**Трагическая судьба
маршала Тухачевского**

Мифы и правда истории

Мифы и правда истории

Елена Прудникова

**Взлет и падение «красного
Бонапарта». Трагическая
судьба маршала Тухачевского**

«ВЕЧЕ»

2016

Прудникова Е. А.

Взлет и падение «красного Бонапарта». Трагическая судьба маршала Тухачевского / Е. А. Прудникова — «ВЕЧЕ», 2016 — (Мифы и правда истории)

ISBN 978-5-4444-8578-1

Знак информационной продукции 16+ Еще со времен XX съезда началась, а в 90-е годы окончательно закрепились в подходе к советской истории логика бразильского сериала. По этим нехитрым координатам раскладывается все. Социальные программы государства сводятся к экономике, экономика к политике, а политика к взаимоотношениям стандартных персонажей: деспотичный отец, верные слуги, покорные и непокорные сыновья и дочери, воинствующий дядюшка, погибший в противостоянии тирану, и неперемный невинный страдалец. И вот тогда на авансцену вышли и закрепились в качестве главных страдальцев эпохи расстрелянный в 1937 году маршал Тухачевский со своими товарищами. Компромата на них нашлось немного, военная форма мужчинам идет, смотрится хорошо и женщинам нравится. Томный красавец, прекрасный принц из грез дамы бальзаковского возраста, да притом невинно умученный – что еще нужно для успешной пиар-кампании? Так кем же был «красный Бонапарт»? Невинный мученик или злодей-шпион и заговорщик? В новой книге автор и известный историк Елена Прудникова раскрывает тайны маршала Тухачевского.

ISBN 978-5-4444-8578-1

© Прудникова Е. А., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Введение	7
Часть 1. Непарламентская оппозиция	10
Глава 1. «Наследники Ильича»	11
«Революционеры» и «государственники»	12
Левая, правая где сторона?	18
Глава 2. Оппозиция уходит под землю	24
«Народ здесь все больше душевный...»	24
Партскандалисты уходят в подполье	26
Подполье	28
Оппозиция объединяется	34
«Неужели нет никого, кто мог бы его убрать?»	36
Глава 3. Удар молнии	39
«Съезд победителей», он же «съезд расстрелянных»	39
1 декабря 1934 года	42
«Дело Николаева» и его последствия	44
Что стоит за убийством Кирова?	49
«Немецкий след»	52
«Чекистский след»	53
Глава 4. Заблудившийся «клубок»	55
Уборщицы-контрреволюционерки и порученцы-террористы	55
Петерсон: рокировка	56
Енукидзе: путь вниз	58
Часть 2. Наследники декабристов	60
Глава 5. Поручик Голицын в Красной России	61
Товарищ Троцкий и его военспецы	62
В десять раз	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Елена Прудникова
Взлет и падение «красного
Бонапарта». Трагическая
судьба маршала Тухачевского

© Прудникова Е. А., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Введение

«...Ставится вопрос об отмене приговора и прекращении дела за отсутствием состава преступления, так как дополнительным расследованием, произведенным в 1957 году, установлены новые обстоятельства, свидетельствующие о невиновности... и необоснованности его осуждения.

Установлено, что военно-фашистского заговора в РККА в действительности не существовало...»

Из реабилитационной справки

Еще со времен XX съезда началась, а в 90-е годы окончательно закрепились в подходе к советской истории логика бразильского сериала. По этим нехитрым координатам раскладывается все. Социальные программы государства сводятся к экономике, экономика к политике, а политика к взаимоотношениям стандартных персонажей: деспотичный отец, верные слуги, покорные и непокорные сыновья и дочери, воинствующий дядюшка, погибший в противостоянии тирану – и неперенный невинный страдалец. Без страдальца жанр не работает, недостает соплей для склейки сюжета.

Хрущев в своей приснопамятной речи назначил главными страдальцами репрессированных партийных секретарей, оплакивая с трибуны горькую судьбу Косиора, Эйхе и иже с ними. С тех пор и пошла легенда о том, что «сталинские репрессии» были направлены против партии и укрепившихся в ней, как на бастионе Сен-Жерве, «верных ленинцев» (из коих Никита Сергеевич, как молчаливо предполагалось, последний уцелевший). Поскольку советская история была дамой подневольной и подцензурной, версия XX съезда продержалась до самой перестройки и даже некоторое время после ее начала. Репрессированные военные тоже в ней присутствовали, но на вторых ролях.

Однако «срывание покровов» – процесс, который легче запустить, чем остановить. Вскоре выяснилось, что товарищи Косиор, Эйхе и иже с ними были персонажами, мягко говоря, страшноватыми (Хрущев, впрочем, не лучше). Да и Ленин потерял былой имидж «самого человеческого человека». И вот тогда на авансцену вышли и закрепились в качестве главных страдальцев эпохи расстрелянный в 1937 году маршал Тухачевский со своими товарищами. Компромата на них нашлось немного, военная форма мужчинам идет, смотрятся хорошо и женщинам нравятся. А история – она женского рода, что и доказала неоднократно, не слишком жалуя штатских деятелей и откровенно любясь полководцами. Томный красавец, прекрасный принц из грез дамы бальзаковского возраста, да притом невинно умученный – что еще нужно для успешной пиар-кампании?

Предпринимались, правда, попытки назначить на роль страдальца и других персонажей советской истории. Даже Троцкого примеряли – но не вышло из-за несогласованности позиции разных авторских групп. Еврей, соратник Ленина, без дворянских корней, да и внешность... бр-р-р! Тем более троцкисты предпочитали видеть в нем «дядюшку», погибшего в бою с тираном, и очень громко об этом шумели. Попытка представить Троцкого невинной жертвой режима воспринималась ими как оскорбление памяти вождя и учителя.

Примеряли ореол и на других персонажей – в частности, на Бухарина, сияющие глаза которого должны были вызвать сочувствие – и вызывали, до тех пор, пока не выяснилось, что за этим сиянием скрывается натура настолько трусливая и жестокая, что даже сериал не выдержал. Прочие усекновенные тираном персонажи из числа «верных ленинцев» тоже растеряли репутацию страдальцев по мере того, как все верные ленинцы перемещались в категорию бывших поделщиков главного злодея – а значит, так им и надо!

Ну, а военные остались – они красивые, в форме, их женщины любят. Маршалу Тухачевскому не повредили даже столь кошмарные деяния, как участие в подавлении Кронштадтского и Тамбовского восстаний – аудитория простила, ведь он солдат, ему приказали...

На самом деле такой красивый генерал по законам мыльной оперы может быть не только невинной жертвой, но и коварным злодеем. Однако коварных злодеев на сцене хватает и без него, так зачем плодить сущности сверх необходимого?

Но если сойти со сцены, на которой разыгрывается сериал, в реальное историческое пространство, то окажется, что все немножко не так – до полной противоположности.

Сейчас существуют две основные версии событий «тридцать седьмого года». Первая – все те же «необоснованные репрессии». В ней много эмоций, но мало смысла, поскольку ни один из тех, кто пишет на эту тему, так и не смог объяснить, зачем это понадобилось Сталину. Что он, с ума сошел?

Да, с ума сошел – достаточно открытым текстом говорили со страниц «демократических» изданий. Маниакальная подозрительность, паранойя, Советским Союзом правил безумец, повергнувший все его население в состояние животного страха. Впрочем, ни одного доказательства того, что Сталин был сумасшедшим, так никто и не представил. Да они и не требовались, поскольку иной хоть сколько-нибудь обоснованной мотивации расправ с верными сторонниками все равно не найти. А откуда известно, что эти люди были верными сторонниками и честными коммунистами? Ну как же, об этом Хрущев на XX съезде сказал. А если он врал? Ну что вы, как может врать Хрущев, он же там был и сам все видел!

Очень, знаете ли, мне это напоминает старый еврейский анекдот:

«– Изя, ты таки знаешь, что наш цадик святой человек? Он каждый день беседует с Богом!

– Да что ты! Слушай, Мойша, а он не врет?

– Опомнись, что ты говоришь! Как же может врать человек, который каждый день беседует с Богом?!»

Вторая версия базируется на том утверждении, что сторонники были не такими уж и верными, и накануне войны Сталин решил расправиться с политическими противниками, а также с теми, кто, по его мнению, мог бы помешать выиграть грядущую войну. Этот вариант более благородный – однако и он не катит.

Причина проста: мы все равно остаемся в пространстве сериала. «Сталин захотел», «Сталин казнил» или же «помиловал»... В реальной истории самовластный правитель долго не проживет. Если вождь не хочет погибнуть смертью безвременной, он должен править хоть по законам, хоть по понятиям – но по законам или по понятиям, а не как левая нога возжелает. Иначе очень скоро он получит «черную метку» со всеми вытекающими из нее (или вылетающими из дула) последствиями.

Если же говорить не об абстрактном вожде, а о конкретном Сталине, то он и вовсе с редким упорством лепил из доставшегося ему дикого поля *правовое государство*, особенно активизировавшись на этом поприще с середины 30-х годов. Ну, и какой в этом смысл? Если он хотел расправиться с противниками, то был прямой резон сначала их перебить, а потом заняться наведением порядка и торжеством законности. Так, как Гитлер – едва придя к власти, устроил «ночь длинных ножей», а потом начал обустривать свое государство. Но не наоборот же! Какой смысл укреплять законность накануне расправы с политическими противниками, вместо того, чтобы разобраться с ними «по-революционному», а потом посетовать на «головокружение от борьбы», сделать несколько горьких выводов и заняться правовой стороной советской жизни?

Неувязочка, однако...

Так называемые «репрессии» были сложным, многослойным процессом, в котором сплеталось множество разных факторов, и жертвы были самые разные, равно как и обсто-

ятельства их гибели. «Невинно убиенных партийцев» придумал еще Хрущев, чтобы подвести основу под реабилитацию своих расстрелянных друзей, «расправу с политическими противниками» сочинили в 90-е годы, о правовом государстве же во все времена молчали насмерть, это открытие последнего времени. Не только молчали, но и всеми силами постарались ошельмовать Генерального прокурора СССР Вышинского, который был мотором этого процесса. Однако правда все же вышла наружу, и историческая картина рассыпалась, потеряв всякую логику.

Не говоря уже о том, что если все сказанное «реабилитаторами» правда, то надо срочно возрождать советский строй как наилучшую форму государственного устройства. Потому что если в государстве не существует ни шпионажа, ни заговоров, ни антиправительственных выступлений, ни террористов, ни бандитов... прямо-таки не государство, а филиал рая на земле. Почему не существует? Ну как же: ведь в какую статью ни ткни, все осужденные по ней реабилитированы «за отсутствием состава преступления». Можно, правда, порассуждать о «рабской душе» русского народа и о запугавшем всех inferнальном монстре под названием НКВД... Гитлер тоже так думал, а когда дошло до дела, выяснилось, что «русские рабы» защищали свое ведомое «жидами-комиссарами» Отечество гораздо лучше, чем, скажем, «просвещенные» французы, да и прочие датчане с норвежцами. Не иначе, заградотряды с пулеметами подействовали...

На самом деле, конечно, шпионы, заговорщики, бандиты, террористы и прочие криминальные личности в Советском Союзе существовали, как и в любом уважающем себя государстве. Так что ореолы вокруг «невинных страдальцев» гасли один за другим. Дольше всех наша общественность отстаивала маршала Тухачевского. Я понимаю – он и мне нравится. Мужчина с такими глазами просто обязан быть невинным страдальцем в любом уважающем себя сериале.

Одно только «но»: мы не в телевизоре живем...

Часть 1. Непарламентская оппозиция

«...всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».
Мф. 12,25.

«Пойдешь налево, все равно придешь направо, и наоборот, если пойдешь направо – все равно придешь налево».
Сталин

Давайте попробуем подойти к делу с другой стороны. Могло ли случиться так, что заговора *не было*? Такая наступила в России страна чудес: пришли к власти политические радикалы, стопроцентные отморозки, начали творить что-то такое, чего никто и никогда не делал – а заговора не было! Все, вот прямо-таки все общество было к их виражам совершенно и абсолютно лояльно! Никто не хотел потеснить их от руля, и не хотел спасти несчастную державу, и не держал руку чужеземных охотников до чужих богатств. И происходило все это в 30-е годы, когда в Европе к власти рвался фашизм, переворот следовал за переворотом, заговор за заговором... А у нас – не было!

Была оппозиция. Часть левых радикалов, замутивших революцию в крупнейшей стране мира, вдруг стала тихой, мирной, скромной оппозицией, которая не сошлась с правительством по некоторым вопросам в ходе партийной дискуссии. А ее за это – в Сибирь! А потом – к стенке!

Нам с этой парламентской демократией совсем голову задурили. После шквала публикаций и телепередач наш человек, на чистом автомате, воспринимает «оппозицию» как кучку шумных, но довольно безвредных митинговых болтунов. Вроде голубей: оно, конечно, и шум от них, и грязь – но какой же город без голубей? Между тем налицо типичная игра терминов, ибо оппозиционеры 20 – 30-х годов были далеко не голубки. Пожалуй, еще более не голубки, чем власть имущие.

В точном переводе с английского «opposition» значит «сопротивление», «противодействие». О целях и методах словарь умалчивает. Между тем даже простой здравый смысл говорит, что в этой области между нынешними квелыми политиками и тогдашними, прошедшими Гражданскую войну, «умытыми кровью» отморозками должна быть некоторая разница. Так она и вправду была.

Когда партия борется против правящего режима, само положение «против» ее консолидирует. Правда, российские социал-демократы и тогда ухитрялись переругаться, варьируя методы от полемических газетных статей до банального мордобоя. Но что началось, когда они взяли власть, а уж тем более, когда сумели отбиться от всяческих противников и интервентов и настала пора строить что-нибудь на месте разрушенного «до основания» мира! Вот тогда-то все и началось...

Глава 1. «Наследники Ильича»

...В чем было преимущество партии большевиков перед остальными партиями российского политического спектра – так это в практичности ее руководства. Практичности неожиданной и нежданной, ибо на первый взгляд оно ничем не отличалось от прочих, приехавших в plombированном вагоне. В октябре семнадцатого взять власть труда не стоило, подбирай с полу да держи, сколько сможешь. Не хитро было брать, хитро удержать и не угодить в петлю, оттого-то более трезвомыслящие политики о том и думать боялись. А эти словно в компьютерную стрелялку играли, не пугаясь и не комплексуя, – и в результате сделали невозможное, не только взяв, но и удержав власть. У них не было ни опыта руководства страной, ни даже какой-либо практики, но они помнили теорию и знали историю. Не говоря уже о том, что во главе большевистской партии стоял политический гений. Может статься, он был никудышным стратегом – если относиться всерьез к его теоретическим работам – зато был совершенно гениальным тактиком, что в конце концов и решило дело.

Сразу же после Октября, 29 ноября 1917 года, ЦК РСДРП(б), понимая, что демократическими методами управлять страной невозможно, создает «четверку» для решения самых важных, не терпящих отлагательства вопросов. Это и была верховная власть Страны Советов (во время Великой Отечественной войны аналогичный орган назывался Государственный комитет обороны). Посмотрим же, кто персонально входил в эту верховную власть.

Первый, конечно – это Ленин. Тут много говорить не приходится, его значение и так понятно. Он, может быть, довольно путаный теоретик и довольно экзотичный практик, но он – «мотор» партии большевиков и новой власти, мастер экстраординарных решений и в качестве главы исполнительной власти – председателя Совнаркома – оперативной работы.

Второй – Сталин. В правительстве он занимает небольшой пост наркома по делам национальностей, однако если отрешиться от постов, то это самая серьезная фигура большевистской «теневого» колоды, сугубый практик, в публичной политике не засвеченный и к парламентской болтовне не причастный, зато поистине великий организатор.

Третий – Троцкий. Это фигура непонятная. В партии без году неделя, в качестве наркома по иностранным делам едва не провалил Брестский мир, его деятельность на посту наркомвоена тоже часто напоминала провокацию. Почему Ленин держал его возле себя, какие их связывали отношения – непонятно. После смерти вождя в кратчайшие сроки даже не Сталин вышиб его с высокого поста – он сам слетел оттуда, поскольку к любой позитивной деятельности был категорически неспособен.

И, наконец, четвертый – фигура загадочная, этаким «пиковый король», и не понять, то ли простая это масть, то ли козырная. Роль его в революции не то что до конца не ясна, а и вообще непонятна. Это человек, известный в партии как Андрей Уральский, а в историю вошедший под своим собственным именем – Яков Свердлов. Второй главный практик большевистской партии, в 1912 году он входил наряду со Сталиным в Русское бюро ЦК (их там было всего-то четверо – двое организаторов рабочего движения и два депутата Думы). После победы революции Свердлов стал председателем ВЦИК – то есть формальным главой государства, а в партии отвечал за расстановку кадров, которые, как известно, решают все. Это был подлинный «человек-оркестр». После его смерти для выполнения работы, с которой справлялся один Свердлов, пришлось ввести должности трех секретарей ЦК с помощниками. Когда Сталин позже, став генеральным секретарем, снова объединил эти функции в одном лице, про него стали говорить, что он сосредоточил в своих руках необъятную власть. Против необъятной власти в руках Свердлова никто не возражал.

Именно Свердлов вскоре стал вторым после Ленина (или же первым наравне с ним) человеком в государстве. Даже в его официальной, насквозь социалистической биографии

проскальзывает упоминание о негласном договоре между Лениным и Свердловым: если с одним что-нибудь случится, второй принимает на себя всю полноту власти. Не факт, что это правда – но написано такое было, а подобные вещи просто так не пишутся...

«Четверка», впрочем, продержалась недолго. Весной 1918 года Сталин уехал на фронт, а Троцкий стал наркомом по военным и морским делам и занялся военным строительством. В первые послереволюционные годы у партии и, соответственно, у страны было два лидера, два кита, на которых держалось все, – Ленин и Свердлов.

Но не прошло и пяти лет, как положение изменилось, причем быстро и кардинально. В 1919 году умирает Свердлов. Этого никто не ждал – такой молодой! А в начале двадцатых тяжело заболевает Ленин. Уже к 1923 году становится ясно, что Ильич к работе больше не вернется. При должном уходе и лечении он, пожалуй, мог бы прожить еще несколько лет, но человек в таком состоянии – не работник. Оставшиеся «наверху» могли теперь рассчитывать только на себя.

В 1923 году в партии было три лидера, претендующих, хотя бы формально, на первую роль, – Троцкий, Зиновьев и набирающий силу Сталин. Пока Ленин был работоспособен, он как-то ухитрялся привести эту разношерстную компанию хотя бы к относительному единению. Но когда его не стало, тут же выяснилось, что для практической работы состав Политбюро крайне неудачен. Троцкий был к ней неспособен в принципе, от коминтерновца Зиновьева и стоявшего за ним теоретика Каменева тоже оказалось мало толку, и очень скоро почти вся она легла на Сталина. С этим надо было что-то делать, но пока Ленин незримо присутствовал в Кремле, в Политбюро царил атмосфера ожидания. Откровеннее всех вел себя несдержанный Троцкий. Он фактически отошел от работы, даже присутствуя на заседаниях Политбюро, не участвовал в обсуждении, а демонстративно читал английский или французский роман либо же выискивал ошибки и оговорки у товарищей по власти, чтобы затем обрушиться на них с язвительной критикой.

Впрочем, толку от всей демонстративности Троцкого было мало, потому что все большее влияние приобретали Сталин и его команда. Сын грузина-сапожника был абсолютно чужд интеллигентско-эмигрантскому братству, и вставать в позу перед ним обычно оказывалось бессмысленно, а то и себе дороже.

И все же пока вождь был жив и мог, хотя бы гипотетически, выздороветь, разбираться с дальнейшей судьбой власти было и неприлично, и страшно. Это только в сказках все рвутся в цари, а на деле принять на себя ответственность за такую огромную страну, да еще в такое время... Это ведь были не демократические «политические деятели», готовые при первой же трудности прижать ушки и сложить полномочия. Эти в отставку не подавали, даже на тот свет. Самоубийство тоже считалось дезертирством, «легким выходом» из жизненных тупиков.

А время на дворе стояло веселое...

«Революционеры» и «государственники»

– Если бы сейчас была дискуссия, – начала женщина, волнуясь и загораясь румянцем, – я бы доказала Петру Александровичу...

– Виноват, вы не сию минуту хотите открыть эту дискуссию? – вежливо спросил Филипп Филиппович.

М. Булгаков «Собачье сердце»

Война закончилась, исчезла смертельная опасность для молодого советского государства – но исчезла и внешняя вынуждающая сила, спланивавшая большевиков против смертельной опасности. И сразу же с уменьшением давления проявились разногласия, отложенные «на потом». Собственно партия, или, пользуясь терминологией Оруэлла, «внутренняя

партия», проявила отчетливую тенденцию по любому поводу вступать в бесконечные дискуссии, подавая дурной пример партии «внешней». То есть ничего нового-то не происходило, процесс этот шел с самого начала существования партии, в бесконечных дискуссиях проходила вся ее жизнь, не исключая и военного времени – но во время войны спорили как-то между делом и по не слишком глобальным поводам. А теперь словесная река вырвалась наконец из теснины и разлилась на просторе...

Первым вестником нового жизненного этапа – еще, кстати, до окончания Гражданской войны, стала «дискуссия о профсоюзах». Часть видных большевиков, размышляя о том, как организовать государство после победы в войне, выступила за передачу верховной власти профсоюзам. Троцкий тут же потребовал заодно их чистки и всеобщей милитаризации. (У него был свой интерес, он рассчитывал играть в этих милитаризованных профсоюзах ведущую роль.) Очередной теоретический спор, делов-то! – мало ли глупостей уже предлагали и еще будут предлагать. Охота в такое время заниматься такими проектами!

Но, как без труда догадается хоть немного продвинутый в реальной политике человек, дело-то было совсем не в профсоюзах. Вот ведь интересно – когда в наше время в верхах происходит какое-нибудь новое назначение или изменение, политическое ли, партийное или какое другое, то все правильно понимают происходящее и спрашивают, не кто что предлагает, а кто чью руку держит и в чьей команде шагает. А как речь заходит о двадцатых годах, так словно туман глаза застит. Кто бы об этом времени ни писал, сразу же начинает разбираться, кто что говорил, кто на каких позициях стоял, кто был не прав и в чем именно, и так там, в этом идеологическом болоте, и остается.

На самом деле все куда проще. Как писал эмигранту Илье Британу кто-то из видных большевиков (подозревали, что Бухарин): «Помните, когда пресловутая дискуссия о профсоюзах угрожала и расколом партии, и заменой Ленина Троцким (в этом была сущность дискуссии, скрытая от непосвященных тряпьем теоретического спора...)» Вот именно: тряпье теоретического спора – а суть-то совсем иная, самая банальная борьба за власть в партии была сутью как этой, так и последующих дискуссий. И партийные массы, кстати, прекрасно это понимали. Они могли быть малограмотными и не отличать Второго Интернационала от Третьего, но чего хочет оппозиция, знали четко, ибо это вопрос житейский, а в житейских вопросах излишняя грамотность только помеха.

Надо сказать, что время для верхушечных разборок было самое подходящее. Семь лет войн и революций отбросили и без того далеко не передовую Россию на добрых полстолетия назад. Сельское хозяйство давало 65 % продукции от далеко не идеального для страны уровня 1913 года, промышленность – всего лишь 10 %. Нэп оживил торговлю, но неспособен был поднять производство. Железнодорожный транспорт агонизировал. Голод в Поволжье унес миллионы жизней. Положение было хуже некуда, но выходить из него предполагалось по-разному.

Трещины проходили по поверхности – теория, идеология, политика, – но раскол-то шел гораздо глубже, до самой коренной породы, до природы человеческой. Психологически тогдашних большевиков можно поделить на «революционеров» и «государственников». Первые – нормальные, чистопородные смутьяны-радикалы – не видели для себя ни малейшего интереса в какой бы то ни было хозяйственной прозе. Возиться с промышленностью, сельским хозяйством и прочей экономической дребеденью им было смертельно скучно, как скучно было бы путешественнику-землепроходцу работать председателем колхоза. Это были по сути своей че гевары, горевшие желанием «раздуть мировой пожар на горе буржуям», нести знамя социалистической революции в Европу, которая почему-то задерживалась с выступлением. Поэтому их совершенно не интересовали никакие экономические проблемы, они хотели одного – продолжать делать мировую революцию. А не выйдет – так на что им эта страна?

«Государственники» же – некоторое количество случайно оказавшихся в этой лихой компании нормальных людей – собирались заняться приведением в порядок страны. «Мировая революция»? Ну ладно, может быть, но это когда-нибудь потом... Едва ли нашелся бы в то время среди большевиков человек, который не верил бы в мировую революцию, но эти верили в нее как в светлое будущее, а не в то, чем надо заняться срочно и немедленно.

Это не взгляды и не позиции, это психологические типы, они легко прослеживаются и в обычной жизни. Кто-то работает, а кто-то воду мутит. Беда в том, что к власти в 1917 году пришли левые радикалы – сила, где первых, то есть «революционеров», было подавляющее большинство.

Чистопородным смутьяном оказался Троцкий, взгляды которого несколько позже вылились в теорию «перманентной революции», суть которой ясно видна из названия. «И вечный бой, покой нам только снится!» Победу большевиков в России он считал «недоразумением» и мог примириться с ней лишь как со ступенькой к долгожданной революции на Западе, которую он готов был приближать и разжигать любыми способами, вплоть до вооруженной интервенции. В середине 30-х годов троцкизм дошел до совершенно безумной теории о том, что в России вообще все «неправильно», что надо вернуть ее в капитализм, «дорастить» до состояния, соответствующего промышленно развитой державе «по Марксу», и потом вместе с Западом вести к революции. Но это будет потом. А пока что Троцкий рассматривал мир как «передышку» перед «последним и решительным боем» и проявлял полное отсутствие интереса к какому бы то ни было мирному строительству, тем более что в принципе был не способен ни к какому созидательному труду, разваливая все, к чему прикасался.

Однако авторитет в массах, как правило, добывается не созидательным трудом, а митинговыми талантами, и авторитет у Троцкого был чрезвычайно велик. Он опирался на «молодых» партийцев, вступивших в партию в годы Гражданской войны. Молодежь сама по себе не любит рутинной работы, зато легко находит «упоение в бою и бездны мрачной на краю», не задумываясь, что другие поколения, может быть, хотят совсем другого. Большинство молодых партийцев и не знали, что до 1917 года Троцкий являлся меньшевиком и противником Ленина. Для них он был прежде всего победоносным наркомом, портреты которого висели на каждом углу. Сам же Лев Давидович видел себя, конечно, только на первых ролях. «Я не гожусь для поручений, – писал он впоследствии в автобиографии. – Либо рядом с Лениным, если бы ему удалось поправиться, либо на его месте, если бы болезнь одолела его».

Что он стал бы делать на месте Ленина – о том Троцкий умалчивает. Впрочем, и так ясно – воевать, а поскольку строить он не умеет, то выигрывать битву нельзя, ибо за выигрышем неминуемо придет стройка. А значит, следует гордо проиграть и в эмиграции писать мемуары о героическом прошлом – именно этим, кстати, и кончилась для него борьба со Сталиным за власть.

Основным «государственником» в большевистских верхах был Сталин, практический ум которого двигался не от теории к теории, а от задачи к задаче. Если же надо было что-нибудь теоретически обосновать, то он, вооруженный изобретенным им «творческим марксизмом» и семинарским образованием, мог без труда придумать обоснование «по Марксу» для всего, что бы ни происходило в стране. Уж на что Молотов – твердокаменный сталинист, и тот признавал, что Сталин в теории был не особенно силен, зато как практика равного ему не было. Но в той мере, в какой это было необходимо, он мог пристегнуть марксизм к текущему моменту и, главное, объяснить это массам простым и доходчивым языком. Попробуй-ка, пойми писания Троцкого, даже имея за плечами университет! А Сталина любой красноармеец с церковноприходской школой понимал превосходно...

...Первым начал Троцкий – сколько же можно на Политбюро романы читать! И, верный своей «иудушкиной»¹ привычке, время выбрал самое подходящее – когда Советская Россия, усилиями Коминтерна, намеревалась ввязаться еще в одну войну. Осенью 1923 года, в самый разгар германского «красного октября», когда Красная Армия готова была вторгнуться в Польшу, чтобы прорваться на помощь начинающейся германской революции, его сторонники выступили с оппозиционной платформой под названием «Заявление 46-ти». Всем было ясно, что выступление это инспирировано Троцким. В тот момент такой шаг был воспринят партийной элитой как акт прямого предательства.

В 90-е годы много говорили и писали о нашей храброй оппозиции, о том, как она отважно противопоставляла себя Сталину. Но почему-то не очень любили публиковать документы этой самой оппозиции. Почему бы это? Может быть, все прояснится, если прочесть хотя бы одно оппозиционное воззвание? Итак, вот оно, «Заявление 46-ти в Политбюро ЦК РКП(б)» от 15 октября 1923 года.

«Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас (в интересах нашей партии, в интересах рабочего класса) сказать вам открыто, что продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжелыми бедами для всей партии. Начавшийся с конца июля этого года хозяйственный и финансовый кризис, со всеми вытекающими из него политическими, в том числе и внутривнутрипартийными последствиями, безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партией, как в области хозяйства, так и особенно в области внутривнутрипартийных отношений.

Случайность, необдуманность, бессистемность решений ЦК, не сводящего концов с концами в области хозяйства, привели к тому, что мы при наличии несомненных крупных успехов в области промышленности, сельского хозяйства, финансов и транспорта, успехов, достигнутых хозяйством страны стихийно, не благодаря, а несмотря на неудовлетворительное руководство или, вернее, на отсутствие всякого руководства, не только стоим перед перспективой приостановки этих успехов, но и перед тяжелым экономическим кризисом.

Мы стоим перед близящимся потрясением червонной валюты, которая стихийно превратилась в основную валюту до ликвидации бюджетного дефицита, перед кредитным кризисом, когда Госбанк без риска тяжкого потрясения не может финансировать не только промышленность и торговлю промышленными товарами, но и закупку хлеба для экспорта, перед остановкой сбыта промышленных товаров вследствие высоких цен, которые объясняются, с одной стороны, полным отсутствием планомерного организаторского руководства в промышленности, с другой стороны, неверной кредитной политикой; перед невозможностью осуществления хлебозэкспортной программы вследствие невозможности закупать хлеб; перед крайне низкими ценами на пищевые продукты, разорительными для крестьянства и грозящими массовым сокращением сельскохозяйственного производства; перед перебоями в выдаче зарплат, вызывающими естественное недовольство рабочих; перед бюджетным хаосом, непосредственно создающим хаос в государственном аппарате; «революционные» приемы сокращений при выработке бюджета и новых явочных сокращений при его реализации стали из переходных мер постоянным явлением, которое непрерывно сотрясает госаппарат и вследствие отсутствия плана о сокращениях – сотрясает его случайно, стихийно.

Все это суть некоторые элементы уже начавшегося хозяйственного, кредитного и финансового кризиса. Если не будут немедленно приняты широкие, продуманные, планомерные и энергичные меры, если нынешнее отсутствие руководства будет продолжаться, мы стоим перед возможностью необычайно острого хозяйственного потрясения, неизбежно связанного с внутренними политическими осложнениями и с полным параличом нашей

¹ «Иудушкой» как-то раз со злости назвал Троцкого Ленин.

внешней активности и дееспособности. А последняя, как всякому понятно, нужна нам теперь больше, чем когда-либо, от нее зависят судьбы мировой революции и рабочего класса всех стран...»

Как видим, первая часть письма посвящена констатации того ну прямо-таки никому не ясного факта, что положение хреновое. С ума сойти, какое открытие! Впрочем – нет, не совсем хреновое, ибо были достигнуты некоторые успехи, и даже крупные – хотя руководство страны тут ни при чем, достигнуты они были совершенно стихийно, вот взяли и родились сами собой из хаоса. Но все равно много хренового, и надо принимать меры. И, по-видимому, сейчас мы познакомимся с планом этих самых широких, продуманных и пр. мер, разработанных партийной оппозицией.

Ан фиг вам, любезные! Все это, оказывается, была преамбула, и дело совсем не во всеохватывающем кризисе, который вот-вот грядет. Потому что дальше речь пойдет совсем о другом.

«Точно так же и в области внутрипартийных отношений мы видим ту же неправильность руководства, парализующую и разлагающую партию, что особенно ярко сказывается во время переживаемого кризиса.

Мы объясняем это не политической неспособностью нынешних руководителей партии; наоборот, как бы мы ни расходились с ними в оценке положения и в выборе мероприятий к его изменению – мы полагаем, что нынешние руководители при всяких условиях не могут не быть поставлены партией на передовые посты рабочей диктатуры (то есть речь о смене власти не идет. Кто пахал, те пусть и пашут. Тогда о чем вообще весь базар? – *Авт.*). Но мы объясняем это тем, что под внешней формой официального единства мы на деле имеем односторонний, приспособляемый к взглядам и симпатиям узкого кружка подбор людей и направление действий. В результате искаженного такими узкими расчетами партийного руководства партия в значительной степени перестает быть тем живым самостоятельным коллективом, который чутко улавливает живую действительность, будучи тысячами нитей связанным с этой действительностью. Вместо этого мы наблюдаем все более прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и «мирян», на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни...»

Что, интересно, имеют авторы в виду под «общественной жизнью»? Как сложившаяся иерархия может помешать устраивать субботники, организовывать кружки политграмоты и школы ликбеза, шефствовать над заводами и стройками? Оказывается, под общественной жизнью оппозиция имеет в виду нечто весьма специфическое.

«...Это факт, который известен каждому члену партии. Члены партии, недовольные тем или иным распоряжением ЦК или даже губкома, имеющие на душе те или иные сомнения, отмечающие «про себя» те или иные ошибки, неурядицы и беспорядки, боятся об этом говорить на партийных собраниях, более того – боятся беседовать друг с другом, если только собеседник не является совершенно надежным человеком в смысле «неболтливости»; свободная дискуссия внутри партии фактически исчезла, партийное общественное мнение заглохло. В наше время не партия, не широкие ее массы выдвигают и выбирают губернские конференции и партийные съезды, которые в свою очередь выдвигают и выбирают губкомы и ЦК РКП. Наоборот, секретарская иерархия, иерархия партии все в большей степени подбирает состав конференций и съездов, которые все в большей степени становятся распорядительными совещаниями этой иерархии. Режим, установившийся внутри партии, совершенно нестерпим; он убивает самостоятельность партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом, который действует без отказа в нормальное время, но который неизбежно даст осечки в момент кризисов и который грозит оказаться совершенно несамостоятельным перед лицом надвигающихся событий...»

Теперь мы видим, что под общественной жизнью понимаются дискуссии – как показала практика, бесконечные и по любому вопросу, ибо известно, что где соберутся два политика, там непременно присутствуют три мнения, а в отдалении маячит четвертое. Ну как же так: у них есть мнения, а высказать их не дают... Что же касается нормальной и ненормальной работы, то тем, кто согласен с авторами письма, предлагаю провести эксперимент: попробовать организовать на дискуссионно-демократических началах работу, например, бригады ремонтных рабочих из пяти человек и посмотреть, что они вам наремонтируют.

А дальше пошли уже совсем интересные вещи:

«Создавшееся положение объясняется тем, что объективно сложившийся после X съезда режим фракционной диктатуры внутри партии пережил сам себя. Многие из нас сознательно пошли на непротивление такому режиму. Поворот 21-го года (нэп. – *Авт.*), а затем болезнь т. Ленина требовали, по мнению некоторых из нас, в качестве временной меры, диктатуры внутри партии. Другие товарищи с самого начала относились к ней скептически или отрицательно. Как бы то ни было, к XII съезду партии этот режим изжил себя. Он стал поворачиваться своей оборотной стороной. Внутрипартийные сцены стали ослабляться. Партия стала замирать. Крайне оппозиционные, уже явно болезненные течения внутри партии стали приобретать антипартийный характер, ибо внутрипартийного товарищеского обсуждения наболевших вопросов не было. А такое обсуждение без труда вскрыло бы болезненный характер этих течений как партийной массе, так и большинству их участников. В результате – нелегальные группировки, выводящие членов партии за пределы последней, и отрыв партии от рабочих масс...»

А мы-то думали, что этот процесс начался после 1927 года! А он, оказывается, уже в 1923-м шел полным ходом...

Дальше идет снова все та же риторика о кризисе и единстве – мы уж пожалеем себя и читателя, не станем ее приводить. И вот, наконец, резюме.

«В партии ведется борьба тем более ожесточенная, чем более глухо и тайно она идет. Если мы ставим перед ЦК этот вопрос, то именно для того, чтобы дать скорейший и наименее болезненный выход раздирающим партию противоречиям и немедленно поставить партию на здоровую основу... Фракционный режим должен быть устранен – и это должны сделать в первую очередь его насадители, он должен быть заменен режимом товарищеского единства и внутрипартийной демократии».

Одним словом, ЦК и Политбюро поставили перед фактом: либо они возрождают в партии свободу дискуссии без конца и без края, либо она распадается на нелегальные группировки. Перспективочка, однако...

И это все. Вот оно, знаменитое «Заявление 46-ти», о котором столько говорили, но которое почему-то не публиковали – теперь, надеюсь, ясно почему? Ничего иного, кроме как требования свободы бесконечной болтовни, в этом письме не содержится. Видно, уж очень приперло, если этот вопрос сочли столь актуальным, что подняли его в такое время. Впрочем, одно радует: это письмо сыграло свою роль в принятии решения по «германскому вопросу», и Красная Армия не сунулась в Польшу. И таковы все подобные документы – много слов и никакой конкретики. И требование свободы дискуссий, дискуссий без конца!

Тем не менее шум был до неба. 27 декабря начальник политуправления Красной Армии Антонов-Овсеенко даже написал в Политбюро письмо с угрозами: если тронут Троцкого, то вся армия станет на его защиту. Обстановка была такой, что в начале 1924 года кое-кто всерьез ждал переворота. Однако Троцкий то ли был болен, то ли трусил – но «демон революции» отмолчался, а без него начинать никто не решился.

Ну, и что было делать с оппозиционерами? Они хотели дискуссии – они ее получили. Состоявшаяся в декабре 1923 – январе 1924 года партдискуссия закончилась полным пора-

жением оппозиции. В партийных организациях ЦК поддержали 98,7 % членов партии, а троцкистов – 1,3 %, о чем и было торжественно объявлено на XIII партконференции. Пьедестал, который Троцкий столь старательно сколачивал для себя из тел своих сторонников, торжественно под ним развалился. Кстати, сам он на конференцию не явился – «лечился от простуды» в Сухуми. Еще одно предательство «демона революции»...

Не приехал Троцкий и на похороны Ленина, заявив, что его поздно известили и он не успевает в Москву – хотя самолеты в то время уже летали. Нельзя сказать, чтобы товарищи по Политбюро были этим так уж сильно расстроены – без него как-то потише и поспокойней...

Левая, правая где сторона?

*Поскольку мир, как выяснилось, круглый,
То даже если левый ты и бравый,
Не слишком влево забирай от левых,
А то недолго оказаться справа.*

Из латиноамериканской поэзии

Итак, оппозиция проиграла этот бой, как будет проигрывать и все последующие. Причина тому крайне проста. Можно сколько угодно утверждать, что это интриган и тиран Сталин своей железной рукой всех зажал и всем заткнул рот, но на самом деле все проще: за ним всегда было большинство. Причем большинство подавляющее. Даже в партийной среде оппозиция никогда не набирала больше 4 % голосов, не говоря уже о беспартийной. Что, народ правды не чуял?

В том-то и дело, что чуял. Еще как чуял ту правду, что оппозиция всегда была кучкой болтающей интеллигенции. «Узок круг этих революционеров, страшно далеки они от народа». В милой полудетской книжечке «Как закалялась сталь» достаточно подробно описывается, как проходила партдискуссия в одной из низовых организаций. Когда, потерпев поражение, местные оппозиционеры заявили, что имеют право организовать фракцию меньшинства, зал взвыл: опять большевики и меньшевики! Сколько же можно? ДОСТАЛИ!!!

...Потерпев поражение, оппозиция ничего не поняла и ничему не научилась. Не успел закончиться базар с «заявлением 49-ти», как подоспела история с пресловутым «ленинским завещанием». Содержание этого документа так широко растиражировано, что пересказывать его нет смысла. Достаточно сказать, что, когда читаешь его целиком, видно, что составлено это «завещание» явно в пользу Троцкого, чего от реального Ленина, который в последний год собирал Политбюро, не приглашая на него «демона революции», ждать не приходилось. Кроме того, из этого документа во все стороны торчат усы, зубы, уши и когти тех, кто к 1924 году понял, что терпеть не может Сталина. Кстати, и в ближайшем окружении Ленина такой человек имелся. Надежда Константиновна Крупская, как показали ее дальнейшие действия, политически явно склонялась на сторону оппозиции.

Тут надо вспомнить, что собой представляло это самое «завещание Ленина». В мае 1924 года, за пять дней до открытия XIII съезда партии, Крупская передала в ЦК конверты со всеми работами Ильича, надиктованными в период болезни, сказав, что Ленин просил огласить «Письмо к съезду» после своей смерти, на съезде партии. Письмо представляло собой машинописный текст, Лениным он был не то что не написан собственноручно (писать он не мог), но даже не подписан. Документ просто кричал о своей сомнительности, как формой так и содержанием. Тем не менее с вдовой вождя спорить не стали, документы приняли,

разве что «Письмо» не стали читать с трибуны, а произвели оглашение по делегациям, в перерыве. Строго говоря, серьезно повредить «Письмо» могло только Сталину, однако предложение заменить генсека съезд не стал даже обсуждать, и все делегации без исключения высказались за него. Что любопытно, в его защиту горячо и страстно выступил Зиновьев. Тем и закончилась история с «завещанием», воскресшая в годы «перестройки» как сенсация и ни в коей мере не являвшаяся таковой в то время, когда она произошла.

А по большому счету, даже если бы Ленин на самом деле написал эту бумагу – ну и что? Это ведь не распоряжение о судьбе миллиона долларов, нажитых непосильным трудом. Партия не была собственностью Владимира Ильича, и он никому ее завещать не мог...

...Лето – время отпусков. Каждый проводит отпуск по-разному, а советское руководство любило ездить на юг.

Еще летом 1923 года, на прогулке в горах, Зиновьев и Бухарин, забравшись в какую-то пещеру в компании с Лашевичем, Евдокимовым и Ворошиловым, стали обсуждать положение в партии, предаваясь извечному русскому вопросу: что делать? Родилась идея – создать новый партийный секретариат из Троцкого, Сталина и кого-нибудь третьего – Каменева, Зиновьева или Бухарина. Читай: Сталин будет работать, Троцкий саботировать, а «третий» заниматься демагогией. Ворошилов вроде бы покрутил пальцем у виска и отправился восвояси, остальные же принялись за реализацию своего плана всерьез.

Однако идея резко не понравилась как Сталину, которому хотелось хотя бы в секретариате обойтись без дискуссий, так и Троцкому, не желавшему делить необъятную власть секретаря ЦК ни с кем, даже с тем, кто эту власть создал. Сталин ответил со своим обычным юмором: «На вопрос, заданный мне в письменной форме из недр Кисловодска, я ответил отрицательно, заявив, что если товарищи настаивают, я готов очистить место без шума, без дискуссии...» Угроза отставки – то, что сразу же примиряло противников Сталина с его персону. Демократия демократией, но и работать ведь кому-то надо!

Резюме Сталина было коротким: «С жиру беситесь, друзья мои!» И кто скажет, что он был не прав? Сталин-то сидел в Москве, пока они прохлаждались на юге, и, по его собственному выражению, «тянул лямку».

Сезон 1924 года вроде бы прошел спокойно. Но это только вроде бы... 19 июля Сталин пишет следующее письмо:

«В Пленум ЦК РКП(б). Полуторогодовая совместная работа в политбюро с т. Зиновьевым и Каменевым после ухода, а потом и смерти Ленина сделала для меня совершенно ясной невозможность честной и искренней совместной политической работы с этими товарищами в рамках одной узкой коллегии. Ввиду этого прошу считать меня выбывшим из состава Пол. Бюро ЦК.

Ввиду того, что ген. Секретарем не может быть не член Пол. Бюро, прошу считать меня выбывшим из состава Секретариата (и Оргбюро ЦК). Прошу дать отпуск для лечения месяца на два. По истечении срока прошу считать меня распределенным либо в Туруханский край, либо в Якутскую область, либо куда-нибудь за границу на какую-либо невидную работу.

Все эти вопросы просил бы Пленум разрешить в моем отсутствии и без объяснений с моей стороны, ибо считаю вредным для дела давать объяснения, кроме тех замечаний, которые уже даны в первом абзаце этого письма».

Интересно, чем именно Зиновьев и Каменев так уели Сталина, что он просится от них в Туруханский край? Но ведь чем-то же уели, это ясно...

Не отпустили. Снова и снова он просится в отставку с этого поста – в декабре 1926 года, в декабре 1927-го – и не отпускают, даже слышать не хотят. Тут надо понимать еще один момент: Сталин – человек достаточно сентиментальный. Не зря он всегда был миротворцем. Один из самых старых по стажу членов партии, он пока еще не может отрешиться от того, что оппозиционеры – это его вчерашние товарищи по борьбе, что Каменев – тот самый Лева

Розенфельд, который в 1903 году укрывал его на конспиративной квартире после побега из ссылки. Гитлер через какой-то год после прихода к власти устроил «ночь длинных ножей». Сталин был на это не способен в принципе. В конечном итоге это дорого обошлось.

...Осень 1924 года принесла возобновление дискуссии. Троцкий, поверженный «демон революции», не в силах смириться с поражением, выступил уже в открытую, напечатав статью «Уроки Октября». В ней он снова припомнил октябрьское предательство Каменева и Зиновьева и выступил против них с открытым обвинением в оппортунизме. Будоражить память о позорном и неудачном выступлении было что ткнуть в больной зуб. Оба, естественно, возмутились и потребовали исключить обидчика из партии. Спас его... Сталин, выступивший в защиту Троцкого, так что дело кончилось всего лишь отстранением последнего в январе 1925 года от руководства военными делами, что в любом случае следовало сделать, потому что бардак в армии он развел невообразимый.

Но политическая команда Троцкого осталась при нем. Кто же в нее входил?

В начале перестройки многочисленными публикациями пытались сформировать образ троцкиста как левого экстремиста, сторонника тотального обобществления, трудовых армий и мировой революции. На самом деле это устойчивый миф, который был создан самим Троцким еще в 20-е годы и сохранился до наших дней. Внешне его платформа действительно состояла из трех групп левых лозунгов. Это критика бюрократических порядков в партии, борьба за «соблюдение внутрипартийной демократии». Это критика слева политики нэпа и – сугубо теоретическая часть платформы – критика теории построения социализма в одной стране. На самом же деле так всего-навсего было удобнее критиковать правительство и вербовать сторонников. Когда правительство резко взяло влево, Троцкий тут же начал наскакивать на него уже с правой стороны.

Фактически же раскол шел не по идеологической, а совсем по иной плоскости. Если вынести за скобки лозунги – кто на самом деле поддерживал Троцкого? Ну, во-первых, конечно, вечные «революционные мальчишки», неспособные к работе горлопаны. Во-вторых, «обиженные» всех уровней, которых всегда много, охотно присоединились к дискуссии о «внутрипартийной демократии». В-третьих, на его стороне выступили всевозможные национал-уклонисты. Например, у Троцкого было очень много грузин – 10–15 процентов. Грузины почти поголовно в то время были националистами. Сделали ставку на Троцкого и сепаратисты-украинцы. В общем, прослеживалась закономерность – где сепаратизм был развит сильнее, там и троцкизм был развит сильнее. Затем его поддержали децисты, сторонники «демократического централизма», – а это уже сепаратисты в квадрате. На словах «децисты» были сторонниками ультралевого крыла в партии, а на деле – поборниками парада региональных суверенитетов, то есть полного развала государства. На его стороне было много иностранных коммунистов, осевших в СССР, вроде Раковского и Радека, – ну, это буревестники из Коминтерна, с ними все ясно. Кстати, что касается политики, то Радек по всем позициям был куда более правым и все время состоял при Ленине – а теперь вдруг оказался при Троцком, предпочтя роль «хвоста у Льва», как позднее сам писал в знаменитой эпиграмме на Ворошилова:

Ах, Клим, пустая голова,
Навозом доверху завалена.
Ведь лучше быть хвостом у Льва,
Чем задницей у Сталина.

Трудно сказать, чем лучше – что хвост, что задница, все одна сторона тела...

Если что и могло быть хуже, чем Политбюро образца 1921 года, – так это его состав в 1925 году. К прежним, уже притершимся друг к другу «закадычным врагам» добавились еще Бухарин, Рыков и Томский. Идейным вождем троих новых членов был Бухарин. Он почему-то считался вождем «правых» в партии, хотя его взгляды были куда левее сталинских. Впрочем, он постоянно менял свои теоретические позиции, одно лишь было неизменно – он видел Россию как плацдарм и резерв для будущей мировой революции. Правда, он был в то время еще и за укрепление крестьянского хозяйства, и даже бросил лозунг «Обогащайтесь!», который вскоре успешно сменил на противоположный. Может быть, поэтому и в правых ходил?

Казалось бы, Политбюро должно было разделиться на «правых», «триумvirат» (Сталин, Зиновьев, Каменев) и героя-одиночку Троцкого, который будет гордо стоять над схваткой. Однако все вышло не так.

...Осенью 1925 года Зиновьев осознал, что власть медленно, но верно ускользает из его рук. Коминтерн терял влияние, тем более что в капиталистических странах началась стабилизация, курс на мировую революцию явно проваливался. Ленинград, где он сидел первым секретарем, все больше превращался в провинциальный город. Фундаментальный труд Григория Евсеевича под названием «Ленинизм», где он продолжал упорно настаивать на мировой революции, не произвел ожидаемого впечатления, более того, подвергся критике со всех сторон.

И в августе «ленинградцы» внезапно восстали против Сталина. На октябрьском Пленуме они выступили с «теоретическим» обоснованием своей позиции, однако присутствующие быстро разобрались в ситуации. Когда, после длиннейшей двухчасовой речи, Каменев сделал вывод, что «товарищ Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба. Мы против единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя!», в зале послышались выкрики: «Вот оно в чем дело!» «Раскрыли карты!». В общем, и эта атака провалилась.

В результате на XIV съезде партии в декабре 1925 года Зиновьев и Каменев выступили во главе новой оппозиции. Их поддержал крайне правый по своим взглядам наркомфин Сокольников, а в качестве «свадебного генерала» выступала Надежда Константиновна Крупская. Новая оппозиция отражала взгляды питерских рабочих, требовавших – а чего могут требовать рабочие? – повышения зарплаты. А также ограничения прав партийного и государственного аппарата, рабочего контроля над производством, обуздания нэпа. Требования не слишком умные, но популистские. Таким образом, Зиновьев и Каменев как бы выступали в качестве центристов при «левом» Троцком и «правом» Сталине, хотя на самом деле ни Троцкий не был левым, ни Сталин – правым, ни они центристами, да и вообще вся эта анатомия была тут совершенно ни при чем.

Масса партийцев отнюдь не являлась слепой толпой, замороченной марксизмом. Это были нормальные, практичные люди, которые понимали, что к чему, и прекрасно видели теоретический разнобой оппозиции, каждый из представителей которой говорил свое, да еще и чуть ли не каждый год меняя позиции. В 1925 году Сталин смеялся над этим их свойством: «Каменев говорил одно, тянул в одну сторону, Зиновьев говорил другое, тянул в другую сторону, Лашевич – третье, Сокольников – четвертое. Но, несмотря на разнообразие, все они сходились на одном. На чем же они сошлись? В чем же состоит их платформа? Их платформа – реформа Секретариата ЦК. Единственное общее, что вполне объединяет их – вопрос о Секретариате. Это странно и смешно, но это факт».

Новая оппозиция была так же торжественно разгромлена, как и старая. В январе 1926 года первым секретарем Ленинградского обкома партии стал верный сталинец Киров. Из членов Политбюро Каменев был переведен в кандидаты и лишился поста председателя Совета труда и обороны, а Зиновьев – поста председателя Петросовета, оставаясь, правда,

пока что главой Коминтерна. Сокольникова исключили из кандидатов в Политбюро и убрали с поста наркомфина. Причины для следующего выступления были налицо.

1926 год принес с собой новое в поведении оппозиции. Во-первых, она наконец объединилась. В апреле 1926 года был создан объединенный блок, к которому примкнули и суперлевые «децисты», и грузинские националисты, и прочие осколки всех ранее существовавших оппозиционных блоков и групп на платформе «левых». Получился союз весьма противостественный, но жизнеспособный, поскольку объединялся бессмертным принципом: «Против кого дружить будем?» Даже рядовые партийцы поняли, что стоит за «принципиальностью» поверженных вождей.

Во-вторых, Троцкий стал разыгрывать провокационную карту – он поставил на Политбюро вопрос об антисемитизме, совершенно по классическому принципу, сформулированному в известном анекдоте: «Если Иванова посадили за воровство, то он просто вор, а если Рабиновича – то это антисемитизм». Поскольку подавляющее большинство видных оппозиционеров были евреями, то Лев Давидович представил дело так, что борьба с оппозицией была проявлением антисемитизма. Сталин стал его опровергать, заявив, что ЦК борется с оппозицией не потому, что они евреи, а потому, что оппозиционеры. По поводу чего мы имеем роскошный образчик провокационной логики Троцкого: «Каждому политически мыслящему человеку была совершенно ясна намеренная двусмысленность этого заявления... “Не забывайте, что руководители оппозиции – евреи” – вот настоящий смысл слов Сталина, опубликованный во всех центральных газетах». Трудно сказать, знали ли народные массы о национальности Зиновьева, Каменева, да и самого Троцкого, с их русскими псевдонимами, однако после этого заявления внимание масс к национальности партийных верхов было привлечено всерьез и надолго.

Третье новое, что появилось в поведении оппозиции, было только что забытым старым. Они начали нелегально печатать свои воззвания, на чем попало, вплоть до пишущих машинок. И это третье значило очень много. За тридцать лет до того российские социал-демократы тоже начинали свою деятельность именно с нелегальных прокламаций. Эти жалкие листочки означали, что отношения оппозиции с властью перешли в новую фазу – нелегальной борьбы.

И вот свершилось то, что рано или поздно должно было свершиться. Оппозиция «достала» партийцев. В самом деле – работы по горло, надо восстанавливать хозяйство, создавать армию, а тут в верхах черт знает что творится, свистопляска какая-то. На очередных обсуждениях в партийных ячейках Москвы и Ленинграда лидерам оппозиции просто не давали выступать. Впервые в жизни Троцкий, один из величайших ораторов XX века, провалился – его слова перекрывал рев толпы. Еще повезло, что не побили... Туда же, куда Троцкого, послали и остальных ораторов. Из 87 тысяч присутствовавших на собраниях в этих двух городах за оппозицию проголосовало 496 человек. И не надо искать здесь тоталитарную партийную дисциплину, все куда проще. Потихоньку восстанавливалась промышленность, поднималось сельское хозяйство, все это прекрасно видели, и оппозиция выглядела просто кучкой крикунов, мешающей Сталину и его команде работать. Как оно на самом деле и было.

Они еще долго группировались друг с другом, сходились и расходились, меняли позиции и устраивали дискуссии. Все это перечисляется в десятках книг, и все это очень скучно. Какая, собственно, разница – когда Каменев объединился с Троцким, когда разошелся и когда к ним ко всем примкнул Рыков? Так или иначе, вскоре все, кто выступал против Сталина, оказались рядом, защитниками одной баррикады, и методично проигрывали схватку за схваткой – но не унимались. Не могли уняться. Чисто психологически не могли.

Но одной борьбой вокруг секретариата ЦК деятельность оппозиции не ограничивалась. Это была практическая сторона, а имелась и теоретическая, точнее, мировоззренческая подоплека. В 1926 году Сталин сформулировал принципиальное разногласие между «генеральной линией» и столь любимой нашими господами демократами оппозицией. «В чем состоит эта разница? В том, что партия рассматривает нашу революцию как революцию социалистическую, как революцию, представляющую некую самостоятельную силу, способную идти на борьбу против капиталистического мира, тогда как оппозиция рассматривает нашу революцию как бесплатное приложение к будущей, еще не победившей пролетарской революции на Западе, как “придаточное предложение” к будущей революции на Западе, как нечто, не имеющее самостоятельной силы».

Неудивительно, что господа «перестроенные демократы» так возлюбили оппозиционеров – они ведь тоже не видят в России самостоятельной ценности, рассматривая ее как придаток западной экономики. Впрочем, привычка «задрать штаны, бежать за Западом» – это не Явлинские с Собчаками придумали, и не Троцкие с Каменевыми, это свойство старое, вековое свойство русских «верхов» – смотреть на Запад преданными собачьими глазами, повернувшись к родной стране, пардон, противоположной частью и ощущая себя по причине таких предпочтений элитой среди ничего не понимающего быдла.

И пусть хоть один человек, прочитавший изложенное в этой главе, скажет, что эту оппозицию не пытались убедить, подчинить партийной дисциплине, хоть как-то к делу приспособить. Пытались. Не вышло. И не могло выйти никогда по одной очень простой причине: деятели оппозиции были сплошь «революционеры», а «революционер» не может быть приспособлен к делу по причине абсолютной деструктивности всей своей деятельности. Ну не выйдет из пулемета нужная в хозяйстве вещь, на какой бок его ни положи! Из него можно только стрелять. Так и революционер – он может только делать революцию, ни на что иное он не пригоден.

Ну хорошо, допустим, дали бы Троцкому власть. И что? Чем бы все кончилось, вполне можно предугадать. Всенародным бунтом при попытке всеобщей милитаризации всего либо войной при прорыве Красной Армии на помощь мировому пролетариату. А после неудачи по первому или второму типу Лев Давидович отправился бы в эмиграцию, побежденный, но не сломленный, и занялся разработкой теории мировой революции. Собственно, этим все и кончилось, только с меньшими потерями для Советской России и с большей рекламой для самого Троцкого, за спиной которого не было позорного поражения, ибо злодей Сталин не дал ему осуществить свои гениальные планы.

Глава 2. Оппозиция уходит под землю

Мы пойдем другим путем!
В. Ульянов (Ленин)

Потерпев столь сокрушительное поражение, оппозиционеры вроде бы должны были смириться, тем более этого недвусмысленно требовала партийная дисциплина. Однако они и не думали складывать оружие. Оппозиционеры, как истинные большевики, пошли по конспиративному пути. Дело это было привычным – до революции только такой работой и занимались! Начали проводить подпольные сходки – в лесу, на кладбищах, на конспиративных квартирах, создавали подпольные типографии. Вскоре появилась настоящая «параллельная партия», имевшая свои ячейки, райкомы, обкомы. Отделения этой партии имелись в Москве, Ленинграде, Харькове, Одессе, в Грузии, на Урале, в Сибири. Они явно решили поступить, как в том анекдоте: «Уехал в Женеву. Начинаю все сначала».

«Народ здесь все больше душевный...»

Впрочем, началось это не в 1926 году, а гораздо раньше. В брошюре, посвященной своему сыну Льву Седову, Троцкий писал: «В 1923 году Лев с головой ушел в оппозиционную деятельность. Он быстро постиг искусство заговорщической деятельности, нелегальных собраний и тайного печатания и распространения оппозиционных документов».

О нелегальных группах внутри партии упоминается и в «Заявлении 46-ти». Но и это не было началом. Уже осенью 1923 года были арестованы члены двух конспиративных групп: «Рабочая группа» и «Рабочая правда» – рабочие-большевики с солидным дореволюционным стажем. Чем они, интересно, занимались, что с ними так круто поступили – ведь в то время за инакомыслие даже из партии не исключали?

Уже начиная с 1923 года, если не раньше, процесс пошел проторенным путем российских социал-демократических «дискуссий», сразу в двух направлениях. С одной стороны, сторонники «линии ЦК» были властью, против которой оппозиционеры знали, как бороться, – двадцать лет учились. С другой, они все-таки были товарищами по партии, а с товарищами споры традиционно решались мелкими пакостями и митингами, плавно переходящими в мордобой.

В Ленинграде, вотчине оппозиции, царил культ Зиновьева. Посланный ему на смену Киров не мог поначалу даже подыскать помещение для собраний сторонников линии ЦК. В конце концов его выручил командующий Ленинградским военным округом Шапошников – беспартийный, бывший царский полковник. Его мало интересовали партдискуссии, зато он хорошо понимал, что такое лояльность и присяга. (Между прочим, только двоих военных Сталин называл по имени и отчеству – Шапошникова и Рокоссовского.) Мы еще не раз встретимся с ним.

Неожиданно Кирову помогли... троцкисты. Не то чтобы они приняли сторону Сталина, но они были противниками зиновьевцев и воспользовались ситуацией для того, чтобы решить старые свары и, по возможности, напакостить. Начальник Высшей кавалерийской школы Туровский с револьвером разгонял митинги сторонников Зиновьева. (Что, впрочем, не мешало боссам в апреле 1926 года заключить союз.)

Но Киров долго еще получал нежные письма вроде следующего: «Посмотри на свою рожу, которую за три дня не обсерешь. Ты имеешь три автомобиля, питаешься так, как цари не жрали, а нас, несчастных, когда нет ни войн, ни эпидемий, ни стихийных бедствий, держишь в голоде. Сволочь ты несчастная, и место тебе на виселице...»

...Надо сказать, что противники Сталина предвидели события и неплохо подготовились к непарламентским методам борьбы. Еще в конце весны 1926 года «объединенная оппозиция» организовала свой конспиративный центр. (Об этом, в частности, писал венгерский историк, сын Бела Куна, Миклош Кун). Во главе центра стояли сами лидеры – Троцкий и Зиновьев. Подпольные заседания проходили на квартире Ивара Смилга.

Работа была поставлена серьезно. Центр имел свою агентуру в ЦК и ОГПУ, специальную группу, которая вела работу среди военных (туда входили Примаков и Путна, будущие «герои» процесса генералов). Такие же центры имелись в Ленинграде, Киеве, Харькове, Свердловске и других городах. Для связи с оппозиционными группами в других компартиях использовали единомышленников, работавших в Наркоминделе и Наркомвнешторге. Одно время материалы оппозиции вывозила за границу Александра Коллонтай – пока очень своевременно не перешла на сталинские позиции. Как известно, заигрывания с троцкистами благополучно сошли ей с рук.

По старой большевистской привычке оппозиционеры пошли в народ. В Москве и Ленинграде они устраивали тайные собрания на квартирах рабочих. По возможностям квартир, туда приходили от нескольких десятков до полутора-двух сотен человек. Собрания были полуконспиративными, однако представители ЦКК и ОГПУ прекрасно знали о сходках, нередко даже являлись туда с требованием разойтись. Обычно их посылали подальше, с мордобоем или без оного, и продолжали работу. На подобных собраниях перебивало около 20 тысяч человек.

Что с ними поделаешь? Пока что руководители страны не в силах были переступить через себя и начать арестовывать старых товарищей по борьбе. ЦК, в свою очередь, тоже обратился к рабочим, призвав разгонять собрания силой. Обстановка стала как-то уж очень напоминать 1905 год в Грузии. Вот воспоминания одного из участников событий тех незабываемых дней: «Маленков... организовал многочисленные шайки из партийно-комсомольского хулиганья. Специально натасканные Маленковым и снабженные палками, камнями, старыми галошами, тухлыми яйцами и т. д., эти шайки, именуя себя «рабочими дружинами», срывали дискуссионные собрания, забрасывали выступавших оппозиционеров камнями, галошами и т. д., разгоняли их собрания, орудуя палками...» Маленковские отряды получили кличку «СББ» – «Сталинские батальоны башибузуков» (в них, кстати, начинали свою карьеру многие будущие чекисты). Оппозиционеры, естественно, не оставались в долгу у «рабочих дружин», и, когда оппозиция организовывала свои демонстрации, стычки превращались в настоящие побоища.

Так что партдискуссия была веселой.

Ноябрьские праздники 1927 года тоже прошли, мягко говоря, активно. Ленинград посетили Зиновьев и Радек. Результатом их визита стало то, что пришлось задействовать конную милицию. Миклош Кун вспоминал: «Конные милиционеры крупными лошадьми сталкивали старых питерских рабочих в Лебяжью канавку, а на Марсовом поле притаившиеся в подворотнях хулиганы забрасывали демонстрантов камнями». Ну, на самом деле не так уж это и страшно, воды в оной канавке аккурат по колено, в ней можно утонуть разве что очень спьяну. Да и камень – не пулемет.

Кстати, оппозиционеры также в долгу не оставались.

В Москве тоже было не скучно. 9 ноября 1927 года Троцкий жаловался в ЦК: «Налет был организован на балкон гостиницы “Париж”. На этом балконе помещались т.т. Смилга, Преображенский, Грюнштейн, Альский и др. Налетчики после бомбардировки балкона картофелем, льдинами и пр. ворвались в комнату, путем побоев и толчков вытеснили названных товарищей с балкона... Ряд оппозиционеров был избит. Тов. Троцкая была сбита с ног. Побои сопровождалась тем более гнусными ругательствами, что среди налетчиков были пьяные».

«Рабочие дружины» Маленкова успешно разогнали целую колонну троцкистов. Дружинникам Рютина повезло меньше: они попытались вытолкать Троцкого и Каменева из приемной Калинина, куда те отправились после митинга, но очень хорошо получили сами. (Через несколько лет Рютин тоже станет оппозиционером, и еще каким!)

В общем, праздничек вышел такой, что Шапошников, ставший к тому времени командующим Московским военным округом, вывел на улицы броневики – лишь это чуть-чуть отрезвило участников политических дебатов.

Ничего особо выдающегося в таком стиле политических взаимоотношений не было. В куда более воспитанной и флегматичной Западной Европе разборки коммунистов с социал-демократами и фашистами часто принимали форму потасовок, где с обеих сторон бывали и раненные, и убитые. У нас все-таки не убивали...

Но это было еще только начало...

Партскандалисты уходят в подполье

К концу 20-х годов положение в стране обострилось. Промышленность кое-как удалось восстановить, однако скудные производственные фонды времен Российской империи не могли обеспечить потребности страны, да и изношены были до предела. Нэп из маленькой забавной тварюшки вырос в дракона: рыночные игры частных торговцев с государством превратились в войну и каждый год ставили страну перед призраком голода.

Власть объявила курс на индустриализацию, но для того, чтобы поднять промышленность, нужны были деньги – много денег, и люди – много людей. Ни того, ни другого не было. Отсталое сельское хозяйство связывало 80 % населения – а толку от него было чуть. Крестьяне едва-едва кормили себя сами, да еще и отказывались сдавать хлеб по государственным ценам. Промышленных товаров почти не производилось, все – от лопат до тракторов – ввозили из-за границы.

В довершение радости, в 1927 году прошла серия английских провокаций против СССР – налеты китайской полиции на советское посольство, а английской – на торговое представительство в Лондоне (китайский налет тоже был инспирирован англичанами). Англия всегда имела свои интересы, но отчасти тут и Коминтерн подсобил – ну зачем было так уж откровенно поддерживать стачку английских шахтеров? В сентябре в Польше был убит советский полпред – ситуация могла разрешиться войной. В ответ население, готовящееся к войне, опустошило и без того скудные магазинные полки, а крестьяне окончательно отказались сдавать хлеб. К перспективе войны прибавилась еще и перспектива голода. Самое время для выступления оппозиции. И она, конечно, не замедлила...

В 1927 году объединенная оппозиция выступила со своим манифестом. «Площадь опоры», по сравнению с 1923 годом, увеличилась почти вдвое – теперь это была «платформа 83-х». Нечего делать, ЦК снова объявил общепартийную дискуссию, которая закончилась с тем же результатом: около 730 тысяч членов партии проголосовали за ЦК и только 4 тысячи – за оппозиционеров. Воздержалось 2600 человек.

Нельзя сказать, что эти цифры точно отражают соотношение сил, потому что голосование проводилось на основе так называемых «императивных мандатов». Если в первичной парторганизации сторонники ЦК оказывались в большинстве, то все голоса ее членов автоматически отдавались ЦК, и наоборот. Поэтому число троцкистов явно было больше, чем четыре тысячи, но, в любом случае, большинство оказалось слишком сокрушающим, чтобы сомневаться в правильности окончательного результата. Ну, не полпроцента стояло за оппозицию, но даже если в десять раз больше – пять процентов, разница-то...

Теперь сторонники ЦК рассердились всерьез – достали! Сколько же можно? XV съезд ВКП(б) дал жестокий бой оппозиции и фактически выдал Сталину мандат на расправу с

ней. За неполные два года, прошедшие от XIV до XV съезда, из партии было исключено 970 оппозиционеров. За последующие два с половиной месяца – 2288 человек. 36,4 % исключенных были рабочими, еще 10,5 % – рабочими по происхождению. Исключали, кстати, не всех троцкистов, а «с разбором» – за активную деятельность, и большую часть исключенных тут же сослали в дальние районы, чтобы воду не мутили. Оппозиция была сильна в больших городах, где имелось много традиционных носителей смуты – интеллигенции и учащейся молодежи. В российских тьмутараканях бузить было куда труднее. Пока труднее...

Троцкого выслали в Алма-Ату. Выходить из дома своими ногами он отказался, тогда сотрудники ОГПУ вынесли его на руках и отвезли на вокзал. Провожать «демона революции» отправилось около трех тысяч человек. Проводы вылились в демонстрацию, завершившуюся уже традиционными столкновениями с милицией, 19 человек было задержано.

Оппозиционеры тоже начали понимать, что время шуток прошло. Со времени XIV съезда 3381 человек подали заявление об отходе от оппозиции. Причем 37 % заявлений было подано в период между съездами, а 63 % – все в те же два с половиной месяца. Но далеко не все делали это искренне – за время, прошедшее с 1923 года, они успели вспомнить волшебное слово «конспирация».

После XV съезда троцкизм оказался в партии в положении «вне закона». В 1928 году режим в стране был еще не так суров, чтобы не только расстреливать, но даже арестовывать оппозиционеров. Максимальная мера, которую применяли к нераскаившимся, и то к самым зловредным и активным, – ссылка. Привычные к такой жизни старые большевики, будучи сосланными, привычно объединялись в политические кружки, вербовали сторонников из числа местных жителей, вели активнейшую переписку с другими колониями. Для наиболее важных сообщений организовали секретную почту.

Их оставшиеся на свободе единомышленники привычно занялись созданием подпольных групп – наконец-то появилось дело по душе! В эти группы принимались только коммунисты, как не подписавшие, так и подписавшие «отречение»: все понимали, что многие из «отрекшихся», старые революционеры и опытные конспираторы, заявляли о разрыве с оппозицией чисто формально, чтобы иметь больше возможностей тайно на свободе продолжать борьбу. Троцкий призывал держаться насмерть, отказов не подписывать – но кто его слушал? Трещина расколола партию сверху донизу – тайные оппозиционеры сидели во всех органах государственной власти, вплоть до верхушки партаппарата и ОГПУ.

Подпольщики печатали и распространяли среди рабочих прокламации с обращениями и статьями лидеров оппозиции. Широчайшее хождение, частично в среде рабочих, а в основном, конечно, среди интеллигенции, имел троцкистский самиздат. Троцкистов можно найти во главе забастовок, которыми в то время часто завершался процесс заключения коллективных договоров на заводах. Они создали свой собственный «Красный Крест», собирали средства для помощи уволенным и высланным товарищам.

Во главе этого сопротивления стоял сам партийный скандалист номер один – Троцкий. Начиная с апреля 1928 года он за семь месяцев отправил из Алма-Аты 550 телеграмм и 800 писем, получил около тысячи писем и 700 телеграмм (большая часть их были коллективными). Деятельность троцкистов все более становилась уже не просто политической, а откровенно антиправительственной. С ними надо было что-то делать, и в первую очередь нейтрализовать их вожда.

Левые сами это понимали. В 1928 году, отчасти опасаясь за жизнь вождя, а еще больше, пожалуй, в рекламных целях, они выпустили листовку: «Если товарища Троцкого попытаются убить, за него отомстят... Возлагаем личную ответственность за его безопасность на всех членов Политбюро...»

Героического самопожертвования не понадобилось. Троцкого никто не собирался убивать и даже арестовывать. К нему применили другую меру пресечения – выслали за пределы

СССР, за «железный занавес». Это был непростой шаг – не потому, что советские власти опасались мести троцкистов, а потому, что ни одна страна не соглашалась принять Троцкого. Наконец, согласилась Турция. Высылка, состоявшаяся в конце января 1929 года, действительно затруднила Льву Давидовичу руководство оппозицией. Многие группы ушли в «свободное плавание», отчего стало еще веселей. Другие все же ухитрялись поддерживать связь со своим патроном, который, впрочем, и не думал успокаиваться, о чем открыто заявил в интервью немецкому писателю Эмилю Людвигу.

«Людвиг: Когда вы рассчитываете снова выступить открыто?

Троцкий: Когда представится благоприятный случай извне. Может быть, война или новая европейская интервенция, тогда слабость правительства явится стимулирующим средством».

Запомним эти слова – на будущее. Может быть, это объяснит, почему одной из мер подготовки к войне с Германией стало убийство Троцкого...

А сразу же после высылки «демона революции» по всей стране начались массовые аресты «подпольщиков». 24 января 1929 года «Правда» сообщала: «Несколько дней назад ОГПУ была арестована за антисоветскую деятельность нелегальная троцкистская организация. Арестовано всего 150 человек... при обыске конфискована антисоветская нелегальная литература».

Новая волна арестов прошла весной 1929 года. Тогда впервые за оппозиционную деятельность начали приговаривать к заключению в концлагере (хотя это был еще далеко не тот многократно описанный ГУЛАГ). В одной из троцкистских листовок говорилось, что только в Москве арестовано 200 человек. В других листовках имелись сведения, которые нельзя было получить из газет: имена арестованных рабочих, рассказ о смертельной голодовке заключенных в Тобольской тюрьме. Требования оппозиции были поддержаны на рабочих собраниях некоторых заводов Москвы и Московской области. Секрет поддержки не хитер – в их число, кроме чисто политических условий, входили и требования, близкие нуждам рабочего класса: публикация данных о движении реальной зарплаты, требование сокращения расходов на аппарат, понижение ставок высокооплачиваемых категорий, прекращение продажи водки в рабочих центрах (!), прекращение выпуска бумажных денег... Заодно рабочие голосовали и «за политику».

А самое главное не называется, а угадывается. Троцкисты об этом молчат насмерть, но догадаться нетрудно. Где в то время был «фронт № 1» Советской России? Конечно, в деревне – в 1929 году началась коллективизация. Кто может сказать, сколько загубленных жизней, сожженных амбаров, зарезанного скота было на совести оппозиционеров? Скольких восстаний не было бы, если бы их не подталкивала оппозиция? Какова роль их листовок среди причин голода, охватившего в 1933 году один из оплотов троцкизма – Украину?

Подполье

Уже к 1930 году деятельность оппозиции далеко не ограничивалась дебатами вождей на съездах – это были так, ритуальные мелочи, что-то вроде участия дореволюционных большевиков в Госдуме. К тому времени центр тяжести их работы давно уже находился в подполье – отсюда и суровость применяемых к ним мер. А то у нас пишут, что Сталин, мол, совсем озверел – стал сажать старых товарищей по партии. Не надо обольщаться – эти товарищи сами были то еще зверье!

Благодаря появившимся в стране в 90-е годы материалам из зарубежных архивов Троцкого, больше всего мы знаем о деятельности троцкистского подполья. Оно было многочисленно (для подполья), хорошо организовано и неуловимо, во главе стояли старые революционеры с огромным опытом нелегальной работы. Правда, в основном занимались они

болтовней – то есть агитацией и пропагандой, но хорошая листовочка, брошенная в доведенную до точки кипения деревню, да с объяснением того, что надо делать, стоила кавалерийского эскадрона.

Кстати, именно существование подполья во многом объясняло тот факт, что многие подвергались репрессиям за прошлую принадлежность к троцкистской оппозиции, даже при условии раскаяния и последующей честной работы. Сколько среди них было невиновных, а сколько подпольщиков, мы не узнаем, наверное, никогда – после XX съезда невиновными стали все.

Впрочем, троцкистскими организациями оппозиционное подполье не ограничивалось. Существовали и другие. Например, «децисты». В теории они были сторонниками парада региональных суверенитетов и неограниченной демократии в руководстве. А по жизни – еще в 1928 году уже выступали против сбора подписей под документами оппозиции и призывали своих сторонников переходить на нелегальное положение. Их вожди Т. В. Сапронов и В. М. Смирнов были из тех, кто не каялся ни при каких обстоятельствах. 20 декабря 1928 года Смирнов послал из ссылки заявление в «Правду» и ЦКК, где говорилось: «...Теперешние вожди ВКП(б) изменили пролетариату... нынешнее правительство, действующее под вывеской Советской власти, которую оно на деле уничтожило, является враждебным рабочему классу».

Предусмотрительно созданные заранее подпольные организации «децистов» действовали в Москве, Ленинграде, Харькове, Орехово-Зуево и других городах. По данным ОГПУ, только ленинградская группа насчитывала до 300 человек. Уже в начале 1928 года эти организации распространяли листовки, где призывали к «устранению руководства, которое способно на все, только не на большевистскую политику».

Столь же непримирим был и уже упоминавшийся Мартемьян Рютин, проделавший по отношению к оппозиции «обратную эволюцию». В 1927 году, будучи секретарем райкома партии в Москве, он создал «рабочую дружину», которая активно занималась драками с оппозицией, а уже в 1928 году пересмотрел свои позиции и столь же активно выступил против правительства. (Кстати, именно Рютин назвал Сталина «поваром, который будет готовить очень острые блюда».) Сначала ему не понравилась кампания против Бухарина – именно тогда за «примиренческую позицию» по отношению к правому уклону тот был снят с поста секретаря ЦК. А посетив в 1928 году родную Сибирь, крестьянский сын Рютин окончательно перешел на сторону оппозиции.

Что было дальше, не совсем ясно, но стоит отметить нехарактерную реакцию Сталина на этого человека. В августе 1930 года генсек пригласил его в Сочи. О чем они там два дня разговаривали, так и осталось неизвестным, но 13 сентября Сталин назвал Рютина «контрреволюционной нечистью», санкционируя исключение последнего из партии и высылку из Москвы. К тому времени Рютин уже всю вел со старыми большевиками беседы о том, что руководство ведет страну к краху. В том же 1930 году он был исключен из партии и арестован – однако коллегия ОГПУ признала обвинение недоказанным и освободила его из-под стражи.

После этого Рютин открыто выступил против власти. Весной 1932 года он вместе с В. Н. Каюровым создал собственную организацию – «Союз марксистов-ленинцев» и разработал так называемую «рютинскую платформу», которую Сталин охарактеризовал как прямой призыв к восстанию.

Что же такого крамольного содержалось в «рютинской платформе», что даже знакомство с ней считалось преступлением? В начале 90-х на эту тему писал Б. А. Старков, который и привел в своей статье основные пункты рютинского манифеста... Вы будете смеяться – нет, вы будете очень смеяться!

«В области внутрипартийных отношений:

Ликвидация диктатуры Сталина и его клики.

Немедленный слом всей головки партийного аппарата. Назначение новых выборов партийных органов на основе подлинной внутрипартийной демократии и создание твердых организационных гарантий против узурпации прав партии партаппаратом.

Немедленный чрезвычайный съезд партии.

Решительное и немедленно возвращение партии по всем вопросам на почву ленинских принципов (Интересно, каких именно? – *Авт.*)

В государственной области:

Немедленные новые выборы Советов и решительное действительное устранение назначенчества.

Смену судебного аппарата. Введение строгой революционной законности. (Это что – снова ЧК, классовый подход и пр.? – *Авт.*)

Смену и решительную чистку аппарата ГПУ. (От кого их чистить и на кого менять? Там же полно троцкистов! – *Авт.*)».

Любой человек, имеющий хотя бы элементарное представление о том, как функционирует государство (т. е. не являющийся профессиональным политиком), попробовав представить себе, как будет выглядеть ситуация на местности, и пригладив поднявшиеся дыбом волосы, согласится: таким образом советский народ будет вмиг избавлен от тоталитаризма. Впрочем, и от государства тоже, равно и от какого-либо призрака порядка. Но пока все не передохнут с голоду, подискутировать можно будет от души!

Но это еще не все, ибо товарищ Рютин распространял свои интересы и на экономическую сферу.

«В области индустриализации:

Немедленное прекращение антиленинских методов индустриализации и игры в ленинизм за счет ограбления рабочего класса и крестьян в деревне, за счет прямых и косвенных, откровенных и замаскированных налогов и штрафов. Проведение индустриализации на основе действительного и неуклонного роста благосостояния масс».

Интересно, каким образом он собирался этого благосостояния достигнуть с разваленной промышленностью и допотопным сельским хозяйством, да еще без налогов? И откуда должно было в таком случае взяться благосостояние масс?

«2. Приведение вложений в капитальное строительство в соответствие с общим состоянием всех наличных ресурсов страны». То есть полное свертыwanie индустриализации, потому что денег нет, а надо еще и благосостояние масс обеспечивать. Это и есть «ленинские методы»?

«В платформе определялись также задачи сельского хозяйства, торговли, финансов и социально-экономической политики».

Жаль, что не приведены подробно. Автору Рютин нравится – должно быть, постеснялся все показывать...

Вам это ничего не напоминает? Это же перефразированное и изложенное другим языком «заявление 46-ти» образца 1923 года. Десять лет прошло, а ничего не изменилось, ровным счетом ничего, разве что прибавилось популистских пунктов по поводу народного хозяйства.

«Члены партии призывались не ждать начала борьбы сверху, начинать ее снизу... – продолжает Б. А. Старков. – Можно считать, что политические и теоретические взгляды М. Н. Рютина в отдельных случаях носили спорный, дискуссионный характер, но нигде и никогда в его высказываниях не содержалось призывов к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти».

В самом деле? А получившийся бы в итоге хаос – это не подрыв и не ослабление?

Впрочем, кое-что все-таки за десять лет изменилось – лексика. «Ненависть, злоба и возмущение масс, наглухо завинченные крышкой террора, кипят и клокочут... Политбюро, Президиум ЦК, секретари областных комитетов... превратились в банду беспринципных, изолгавшихся и трусливых политиканов, а Сталин – в неограниченного, несменяемого диктатора, проявляющего в десятки раз больше тупого произвола, самодурства и насилия над массами, чем любой самодержавный монарх...

От товарища к товарищу, от группы к группе, от города к городу должен передаваться наш основной лозунг: долой диктатуру Сталина и его клику, долой банду беспринципных политиканов и политических обманщиков! Долой узурпатора прав партии! Да здравствует ВКП(б)! Да здравствует ленинизм!»

При ближайшем рассмотрении видно, что вся эта «платформа» – глупость невероятная. Но в числе потомков Адама всегда было немало людей, как написано в повести о Ходже Насреддине, «с избытком наделенных благородством, но немного обиженных умом». Да и чего тут думать. В семнадцатом долго не думали, скинули Временное правительство и сели сами. Также и теперь, главное – скинуть Сталина, а там видно будет. В конце концов, можно ручками развести и сказать: «Ну что ж, не вышло...» А потом уехать если не в Женеву, то куда-нибудь в Мексику и строить там партию – в изгнании, но зато с совершенным соблюдением внутрипартийной демократии. Ибо, как сказал другой человек и по другому поводу, «цель – ничто, движение – все!».

Хотя, по большому счету, и это была болтовня, не нашедшая широкой поддержки, но меры на сей раз приняли суровые. Оппозиционеров надо было проучить, и их проучили. 2 октября 1932 года Объединенный пленум ЦК и ЦКК, рассматривавший дело «Союза», принял решение об исключении из партии его членов и всех, знавших о его существовании (!) и не сообщивших о нем в ЦК или ЦКК. 11 октября без суда, решением коллегии ОГПУ, всем 24 человекам, проходившим по делу «Союза», вынесли приговор. Сталин потребовал расстрела Рютина – а ведь в то время он отнюдь не бросался смертными приговорами направо и налево (так, например, он был против смертного приговора обвиняемым по «шахтинскому делу», где были не призывы, а конкретный саботаж). Одним из аргументов Сталина стали сводки ОГПУ о том, что среди молодежи усиливаются террористические настроения.

Однако приговор не прошел. При голосовании на Политбюро против высказались Киров, Орджоникидзе, Куйбышев. Воздержались даже Молотов и Каганович. Рютина приговорили к десятилетнему одиночному тюремному заключению. Остальные тоже получили срок тюрьмы или ссылки, в том числе Зиновьев и Каменев. Всего по делу «Союза марксистов-ленинцев» было привлечено к партийной и уголовной ответственности в 1932–1933 годах тридцать человек. Впоследствии всем им приговоры были ужесточены, а в 1937 году большинство «рютинцев» приговорили к расстрелу.

Сталин придавал исключительное значение возникновению «Союза». На процессах 1936–1938 годов большинство подпольных «центров» признавалось выросшими из «Союза», а тот факт, что коммунист читал «рютинскую платформу», уже сам по себе был тяжелым государственным преступлением. Рютина и его товарищей не реабилитировали ни в 1956-м, ни в 1963-м, ни даже в 1986 году. В ответ на очередную просьбу о реабилитации В. Н. Каюрова Прокуратура СССР ответила: «К уголовной ответственности за участие в контрреволюционной деятельности и проведение антисоветской агитации был привлечен обоснованно». Только в 1988 году, когда оправдывали всех, Верховный суд реабилитировал участников «рютинского дела».

Несмотря на то, что многие оппозиционеры в 1930–1931 годах заявили о прекращении фракционной деятельности, ОГПУ, на всякий случай, за ними присматривало. В январе 1933 года Сталину донесли о существовании глубоко законспирированной организации во

главе с И. Н. Смирновым, включавшей более 200 бывших активных троцкистов. Организация имела филиалы в Ленинграде, Харькове, Горьком, Киеве, Ростове-на-Дону и в других городах, группы в Госплане, Наркомтяжпроме и других учреждениях. Это было уже очень серьезно. И дело тут не в том, что обнаружили очередную троцкистскую группу, дело в личности ее руководителя.

Иван Никитич Смирнов был привычен к нелегальной работе. В партию он вступил в 1898 году, прошел через аресты и ссылки, участвовал в Московском вооруженном восстании в декабре 1905 года. В 1917 году был в числе руководителей военной организации большевиков в Сибири. Во время Гражданской войны, будучи членом Реввоенсовета при Тухачевском, он обеспечивал «предварительное» взятие сибирских городов красными партизанами, причем обеспечивал так хорошо, что иногда город, как перезрелый плод, сам падал в руки Красной Армии. Его (а не Тухачевского) называли «победителем Колчака». Упорный и последовательный троцкист, он был в конфликте с большинством в партии еще со времен войны. (Так, в 1921 году Ленин был против избрания Смирнова в состав ЦК.) В 1923 году его из военного ведомства убрали, сделав наркомом почт и телеграфа. С самого начала И. Н. Смирнов входил в состав руководства троцкистской оппозиции, за что был отправлен в ссылку и «покаялся» в 1930 году. После восстановления в партии сразу же занялся созданием анти-сталинской группировки.

Провалилась группа случайно. Один из ее членов в 1932 году был арестован и выдал остальных. (Смирнов имел своего человека в ОГПУ и потому обо всем этом знал.) Всего взяли 89 человек – почти все в свое время исключались из партии за фракционную деятельность, 35 человек из них потом восстановились, «покаявшись». Среди арестованных были известные оппозиционеры, такие, как сам Смирнов, Тер-Ваганян, Преображенский. Особое совещание при коллегии ОГПУ осудило 41 человека на лишение свободы сроком от 3 до 5 лет, а 45 человек были отправлены в ссылку. Смирнов получил десять лет.

...И все-таки к старым большевикам относились пока что более-менее лояльно. В августе 1933 года Преображенский был освобожден из ссылки, в октябре восстановлен в партии. На XVII съезде он выступил с покаянной речью. Тер-Ваганян тоже в 1934 году был восстановлен, но в мае 1935 года снова исключен – в третий раз! – и отправлен в ссылку. Большая часть членов группы не пережила 1937 года.

Ни о каком покаянии самого Смирнова не было даже и речи. Он был осужден в 1936 году, на процессе Зиновьева и Каменева. Его жена, А. Н. Сафонова, видная оппозиционерка, сотрудничала с НКВД и была отпущена на свободу. Уже после XX съезда она обратилась к Хрущеву с письмом, в котором утверждала, что многое из того, в чем обвинялся ее муж, было правдой. Но он все равно, как и другие, до самого последнего времени числился «невинно пострадавшим».

В довершение прочих радостей, подняли голову (точнее, они никогда ее и не опускали) националисты. При Сталине их называли «буржуазными» – но на самом деле эта порода находится вне классов. Тем, в чьей памяти еще живет 1991 год, толпы на улицах Вильнюса и Тбилиси, требующие отделения от России, странно думать, что в двадцатые – тридцатые годы не было национальных движений. Были, конечно. Прибалтика кушала свою независимость, но в состав СССР входила Украина, входил Кавказ со своей извечной тягой к смуте и «самостийности».

На XVII съезде ВКП(б) Ярославский сообщил, что со времени предыдущего съезда только в 13 республиканских, краевых и областных организациях было исключено из партии за «националистические уклоны» 799 человек. Большею частью на Украине. Там, как сказал Сталин, националистический уклон стал государственной опасностью и «сомкнулся

с интервенционистами». Война показала, что он был прав. Однако национализм представлял собой серьезную проблему не только на Украине.

Одним из первых дел «буржуазных националистов» стало дело о «султан-галиевской контрреволюционной организации». Ее глава М. Х. Султан-Галиев в 1918–1920 годах работал председателем Центральной мусульманской военной коллегии при наркомвоенморе Троцком. В противовес великодержавной политике Сталина, Султан-Галиев сначала предлагал поднять до уровня союзных статус некоторых автономных республик, затем выдвигал план создания четырех крупных национальных образований на равных правах с союзными республиками – федерация Урало-Волжских республик, Общекавказская федерация (республики Закавказья и Северного Кавказа), Туранская республика (четыре республики Средней Азии), Казахская республика. Все это, конечно, не просто так, и буквы правительственных постановлений бывают беременны большими бедами. За этими планами стояли усиление национальных и региональных суверенитетов, ограничение власти центра и, при продолжении этих тенденций, тот же 1991 год и развал России. И не в том странность, что дела «националистов» есть, а в том, что их так мало...

В 1928–1929 годах за участие в «антипартийной группировке Султан-Галиева» был исключен из партии ряд работников Татарской и Крымской АССР. «Султан-галиевцев» обвиняли в связи с пантюркистским движением и с генеральными штабами нескольких зарубежных стран. Что весьма похоже на правду – достаточно посмотреть на нынешних сепаратистов. Среди них нет ни одного, кто не находился бы под патронажем заинтересованных иностранных государств.

В 1930 году коллегия ОГПУ осудила Султан-Галиева и еще 20 человек к высшей мере наказания, заменив ее впоследствии заключением на 10 лет. Однако в 1934 году Султан-Галиев был уже освобожден (!). В 1937 году его вновь арестовали и в декабре 1939 года расстреляли, равно как и большинство его соратников.

В 1930–1931 годах были арестованы один из секретарей ЦК, несколько наркомов и другие высокопоставленные работники Белоруссии. Их обвиняли в связи с организацией «Союз освобождения Белоруссии», по делу которой было осуждено 86 представителей науки и культуры республики. (Вспомним о тесной дружеской смычке партийных секретарей и интеллигенции, составлявшей основу антигосударственных «народных фронтов» в отделившихся республиках времен перестройки. Интеллигенция играла роль творца обеспечивающей идеологии и детонатора, а за ней стояли политические интересы матерых партбоссов, которые весьма неплохо финансировались – уж не из-за границы ли?)

Что же касается Украины, то там даже крестьянские восстания часто проходили под националистическими и сепаратистскими лозунгами. В начале 30-х годов появились подпольные националистические организации «Союз освобождения Украины», «Украинский национальный центр» и «Украинская войсковая организация». Это уже были подлинные антисоветчики.

Кроме откровенно националистических организаций, стремящихся к отделению Украины от России, в КП(б) У разглядели еще и некий «националистический уклон», возглавляемый заместителем председателя Совнаркома Украины Скрыпником.

В январе 1934 года в Москве арестовали заместителя председателя бюджетной комиссии ЦИК СССР М. Н. Полоза. Его обвинили в участии в «Украинской военной (войсковой) организации», подготовке вооруженного восстания и террористических актов и сначала осудили на 10 лет, а 9 октября 1934 года приговорили к расстрелу в числе 134 украинских «буржуазных националистов». А ведь еще был жив Киров, и времена были совсем не такие суровые, тогда расстрельными приговорами просто так не бросались.

Можно, конечно, в порядке всеобщей реабилитации объявить необоснованно репрессированными всех – но как же все-таки быть с 1991 годом? И, право же, военные базы Гит-

лера под Киевом нужны были Сталину не более, чем военные базы НАТО в Севастополе, которые у нас все еще есть шанс заполучить.

Оппозиция объединяется

Официальное следствие по делу троцкистского подполья так и не сумело раскрыть истинную роль И. Н. Смирнова в работе нелегальной оппозиции – следователи ОГПУ не могли тягаться со старым подпольщиком. Однако из заграничного архива Троцкого стало известно, что именно Смирнов стал инициатором создания глубоко и надежно законспирированного широкого антисталинского блока.

В июле 1931 года Смирнов, тогда начальник строительства нижегородского автомобильного завода, ездил в командировку в Берлин. Во время поездки он несколько раз встречался с сыном Троцкого Львом Седовым, который являлся главным помощником отца и редактором «Бюллетеня оппозиции». Прерванные на время контакты были налажены. Осенью 1932 года оппозиционер Э. Гольцман встретился в Берлине с Седовым и передал ему для Троцкого письмо Смирнова и статью «Хозяйственное положение СССР», которая вышла в «Бюллетене оппозиции». В статье, в частности, говорилось, что в результате «неспособности нынешнего руководства выбраться из хозяйственно-политического тупика в партии растет убеждение в необходимости смены партруководства».

Но, что еще более важно, Смирнов заявил, что бывшие оппозиционные группы в СССР объединились и хотят наладить связь с Троцким. В письме он сообщает про переговоры между четырьмя группами о создании единого оппозиционного блока. Это были группы самого Смирнова, зиновьевцев, Ломинадзе – Стэна и Сафарова – Тарханова.

О создании блока также сообщил Седову старый большевик Ю. П. Гавен, входивший в группу «О». Кто такой «О», до сих пор неизвестно. (У Троцкого тоже хватало старых конспираторов, прятавших все, что только возможно.) Об этой группе вообще не известно ровно ничего, кроме названия и того, что она существовала.

Через Гольцмана и, возможно, через Гавена Смирнов и его товарищи узнавали мнение Троцкого о процессах, проходивших в СССР, а Лев Давидович, в свою очередь, получал через них подробную информацию о том, что на самом деле происходит в Советском Союзе.

Из архива также видно, что в это время Седов имел многочисленные связи в СССР и в некоторых советских миссиях за рубежом. Большинство его корреспондентов скрыто под псевдонимами. Троцкий и Седов называли между собой Смирнова «Ко», Гольцмана – «Орлов», Гавена – «Сорокин». Неизвестный старый большевик, работавший в советской торговой миссии в Лондоне, фигурировал как «Свой», И. Н. Переверзев – «Петр». Кочерец, переводчик Арагона, посылал Троцкому секретные партийные документы. Слали информацию бывшая чекистка Н. Островская, бывший оппозиционер Рафаил и многие другие.

Зиновьев и Каменев тоже обменивались информацией с зарубежными единомышленниками, особенно с Рут Фишер и Масловым. Связным у них был старый большевик Г. Л. Шкловский и, возможно, советский посол в Праге Аросев, старый, еще гимназический друг Молотова, его товарищ по ученическому социал-демократическому кружку. Поэтому он был одним из наиболее информированных советских дипломатических представителей за рубежом.

С 1928 года Аросев возглавлял советскую дипломатическую миссию в Чехословакии. И вот представьте себе такой культик: в 1932 году уже немолодой заслуженный большевик вступает в брак с некоей Гертой Фрейнд, дочерью крупного пражского торговца. Девушка была известна широким образом жизни, состояла в «Союзе свободомыслящей молодежи», а ее брат, Гарри Фрейнд, являлся активнейшим троцкистом. Несмотря на попытки советской разведки вмешаться в сложившуюся скандальную ситуацию, ЦК ВКП(б) (не иначе как

Молотов) взял Аросева под защиту, и, вплоть до мая 1933 года, он по-прежнему возглавлял советское представительство в Праге. После возвращения в СССР Аросев получил еще более лакомый для Троцкого кусочек – возглавил ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей за границей). Можно только догадываться, какой объем информации и какие денежные средства перекачивались через «сладкую парочку» к «демоню революции».

В 1932 году организовался единый блок, состоявший, как уже говорилось, из четырех групп. Но начать работу он не успел. В 1932–1933 годах большинство входивших в него оппозиционеров были арестованы по делам «своих» групп. Сначала за связь с рютинцами выслали Зиновьева, Каменева и Стэна, затем арестовали «бухаринцев». Два месяца спустя были арестованы Смирнов и другие «троцкисты». Уцелевшие зиновьевцы решили временно прервать работу своей группы.

Впрочем, аресты затронули далеко не всех подпольщиков. Многое сохранилось, сохранились и связи с рабочими, и если бы не последующие события, этот мощный блок имел полную возможность вырасти и добиться успеха.

В конце 1933 года была арестована троцкистка А. П. Лифшиц. После долгих допросов она признала, что по поручению Раковского должна была объехать все места ссылки троцкистов, чтобы объединить оппозиционеров. У тех, кого она назвала, при обысках изъяли статьи и письма Троцкого, а также листовку, написанную заключенными Верхнеуральского политизолятора. Так ОГПУ узнало о существовании единого троцкистского подполья, которое поддерживало более-менее регулярную связь со своим высланным из Советской России лидером. Нелегальный центр этой организации готовил побеги ссыльных оппозиционеров и перевод их на нелегальное положение.

Основу центра составляли исключенные из партии в 1927–1930 гг. и сосланные троцкисты. Всего по делу «нелегального троцкистского центра» было привлечено 39 человек. Большинство из них приговорили к лишению свободы или ссылке и почти всех репрессировали в конце 30-х годов.

...Итак, есть достаточное количество данных, говорящих о том, что к 1934 году в стране оформился мощнейший стан противников правительственного курса. В 1932 году в ряде городов прошли выступления рабочих – особенно внушительными они были, как и за пятьдесят лет до того, в Ивановской области. Рабочих мало интересовали вопросы ленинизма и внутрипартийной демократии – они протестовали против снижения норм снабжения по карточкам. Поднимали голос руководители промышленности, заговорившие об обнищании рабочих. Недовольны были и мало понимающие в сути происходящего рядовые коммунисты. Это потом, в 1936-м, когда все получится, они будут за Сталина. А тогда...

А что опасней всего, программа оппозиции была очень привлекательна – куда привлекательней правительственной, в очередной раз требующей «напряжения всех сил». Конечно, призывы к снижению темпов индустриализации, возврату к нэпу и росту демократии всегда притягательны. А вот стоит ли верить, что, если их выполнить, станет лучше – на этот вопрос читатель может ответить сам...

И, в довершение всего, существовало еще и мощное разветвленное подполье (точнее, даже несколько таковых). Их участники имели навыки пропагандистской и конспиративной работы, опыт Гражданской войны, были достаточно сильны и организованны. Имели они и знаковую фигуру на место Сталина – опального «демона революции». И готовы были действовать как легальными, так и нелегальными методами.

Мы почти не писали о той части оппозиции, о которой широко известно и о которой пишут все, о бесконечных блокировках и разблокировках вождей. Это малоинтересно и абсолютно ничего не объясняет, так что неудивительно, что в качестве объяснения репрессий при таком подходе потребовалась легенда о сталинской паранойе.

Что же касается «подводных» процессов, то в последние годы на поверхность выходит все больше информации о нелегальных политических группах – тех, что провалились и поэтому стали известны. А сколько их так и остались нераскрытыми? Среди противников Сталина имелись не только болтуны, но и люди чрезвычайно серьезные – а вот о них и об их глубоко законспирированных организациях мы почти ничего не знаем. Кроме, конечно, судебных процессов 30-х годов – но кто же верит судебным процессам? Ведь совершенно точно известно, что все подсудимые находились под гипнозом и сами не знали, что говорят! Или все-таки знали?

Но пока что до этих процессов еще далеко. На дворе 1934 год – странный, непонятный год. Это только внешне кажется, что все просто – сумасшедший Николаев убил Кирова, Сталин воспользовался этим и начал расправу с оппозицией, перешедшую в широкомасштабный террор. На самом деле вопросов тут куда больше, чем ответов...

«Неужели нет никого, кто мог бы его убрать?»

На достаточно мирного и безобидного царя Александра Второго было совершено восемь покушений, и его в конце концов убили. Сталин, капитан, у которого корабль давал такие виражи, что черпал бортом воду, остался в живых. Между тем его противниками были вовсе не парламентские сидельцы, а старые партийные бойцы. Неужели они не мечтали убить Сталина?

Мечтали, конечно, как же не мечтать? Рой Медведев в работе «О Сталине и сталинизме», ссылаясь на воспоминания жены деятеля Коминтерна Р. Г. Алихановой, упоминает, что Рютин не раз говорил ближайшим единомышленникам: единственный способ избавиться от Сталина – убить его. Рютин, по сути – такой же болтун, как и прочие, всего лишь более заметный. Но весь ход событий, вся логика происходящего говорят нам, что таких, лелеявших мечты о смерти Сталина, должно быть великое множество.

В ноябре 1932 года два старых большевика – Н. Б. Эйсмонт (член партии с 1907 года) и В. Н. Толмачев (член партии с 1904 года, начальник Главдортранса СНК РСФСР) были вызваны на допрос в ЦКК и ОГПУ. Согласно информации, поступившей от некоего Никольского, члена партии, Эйсмонт вел активную работу, нацеленную на то, чтобы снять Сталина с поста генсека. Вождя он не любил, и сильно. Говорилось в письме Никольского и кое-что еще. Одна приписываемая Эйсмонту фраза звучала так: «Вот мы завтра поедем с Толмачевым к А. П. Смирнову², и я знаю, что первая фраза, которой он нас встретит, будет: “И как это во всей стране не найдется человека, который мог бы его убрать”».

Правда, на допросах Эйсмонт интерпретировал эту фразу следующим образом: «Неужели в партии нет человека, который мог бы заменить Сталина». Однако уже в 60-е годы Никольский, вызванный в парткомиссию при ЦК КПСС, несмотря на все усилия хрущевских «партследователей», твердо держался своей версии – была сказана именно эта фраза. Слово «убрать» врезалось ему в память.

Показательно отношение к угрозе Эйсмонта И. Н. Смирнова – того самого Смирнова, организатора красного подполья в Сибири и опытного конспиратора. Его жена, тоже известная троцкистка А. Н. Сафонова, вспоминает: «После получения сведений по делу Эйсмонта Смирнов по этому поводу сказал: “Эдак, пожалуй, Сталин будет убит”».

Когда шло следствие по делу группы Слепкова, один из ее членов, Астров, сообщил, что «правые» говорили о необходимости «дворцового переворота и кто-то даже выкрикнул:

² Член партии с 1896 года, кандидат в члены Оргбюро, снятый в 1930 году с поста секретаря ЦК и зампреда Совнаркома РСФСР как сочувствующий «правым».

«Дайте мне револьвер, я застрелю Сталина!» Однако револьвер ему не дали, а сам взять не удосужился, так слова и остались словами...

Авторханов, которого уж точно нельзя считать сталинистом, вспоминал: еще в 1929 году один из группы «правых» говорил ему: «Государственный переворот не есть контрреволюция, это только чистка партии одним ударом от собственной подлости. Для этого не нужен и столичный гарнизон Бонапарта. Вполне достаточно одного кинжала советского Брута... Ни одна страна не богата такими Брутами, как наша. Только надо их разбудить».

Воспоминания Авторханова бесценны, потому что говорят о фактах, которые нигде не всплывали, и о людях, которых никто не знает. Так, он вспоминает о некоем «салоне» Королевой и кружке Сорокина. В этих дискуссионных клубах разрабатывалась идеология террора. «Самый острый вопрос, который ставили именно молодые коммунисты, – но участники Гражданской войны, – гласил: нужно ли ответить на массовый террор группы Сталина контртеррором против Сталина?»³ Сорокин отвечал на этот вопрос положительно и оправдывал террор историческими экскурсами, а идеологию террора разрабатывал его наиболее убежденный сторонник Миша, которого члены кружка шутя называли «Кибальчич». Эта кличка подходила к нему не меньше, чем к оригиналу».

Этот самый «Миша» был сыном старого большевика, из последнего класса гимназии ушел добровольцем в Красную Армию. В армии стал коммунистом. Работал в белых тылах, получил за это орден Красного Знамени (орденоносцы тогда исчислялись десятками, не более). Окончил университет. В 1927 году участвовал в хлебозаготовках. Суровой реально-сти обостренной классовой борьбы «не вынесла душа поэта» – он примкнул к оппозиции и стал размышлять о терроре. Биография «Миши» чрезвычайно типична. Куда они делись, молодые и не очень молодые участники Гражданской войны, которые побывали на хлебозаготовках и стали по ту сторону баррикады?

Впрочем, все это несерьезно. Болтающая интеллигенция может призывать к убийству, но организовать его не способна, и наши местные бруты так и остались неразбуженными. Исключение могли бы составлять такие люди, как Смирнов, однако тот был противником террора.

Но имели место и реальные попытки покушения. Первая произошла еще в те времена, когда Сталин, который был далеко не трус, ходил пешком по Москве в сопровождении одного лишь личного охранника.

Все-таки эпоха мало походила на наши представления о ней...

Вот какую записку направило ОГПУ Сталину в ноябре 1931 года.

«Записка ОГПУ И. Сталину номер 40919 от 18 ноября 1931 г.

По полученным нами сведениям, на явочную квартиру к одному из наших агентов в ноябре м-це должно было явиться для установления связи и передачи лица, направленное английской разведкой на нашу территорию.

12-го ноября на явку действительно, с соответствующим паролем, прибыл (по неизвестной нам переправе английской разведки), как вскоре выяснилось, белый офицер – секретный сотрудник английской разведки, работающий по линии РОВС и нефтяной секции Торгпрома.

Указанное лицо было взято под тщательное наружное и внутреннее наблюдение.

16-го ноября, проходя с нашим агентом в 3 часа 35 мин. дня по Ильинке около д.5/2 против Старо-Гостиного двора, агент английской разведки случайно встретил Вас и сделал попытку выхватить револьвер.

³ Здесь необходимо отметить, что «массовый террор» ограничивался, в основном, ссылками и высылками, в крайнем случае заключением в лагерь, а под «контртеррором» понималось нечто совсем другое.

Как сообщает наш агент, ему удалось схватить за руку указанного англоразведчика и повлечь за собой, воспрепятствовав попытке. Тотчас же после этого названный агент англо-разведки был нами секретно арестован.

О ходе следствия буду Вас своевременно информировать.

Фотокарточку арестованного, назвавшегося ОГАРЕВЫМ, прилагаю.

Зам. председателя ОГПУ Окулов».

На записке резолюция: «Членам ПБ. Пешее хождение т. Сталину по Москве надо прекратить. В. Молотов». И подписи Кагановича, Калинина, Куйбышева и Рыкова.

Следствием этого случая стало усиление личной охраны генсека – до совершенно «колоссальных» размеров. У него стало аж целых трое телохранителей да десять человек на даче в Кунцево – трое в самой даче, трое на ее территории и четверо снаружи.

Второй случай произошел летом 1933 года, когда Сталин отдыхал в Грузии, на берегу озера Рица. В Закавказье были свои порядки, и вождь ездил всегда в сопровождении целой свиты. В тот день в первом автомобиле ехала охрана, во втором – Сталин, в третьем – Первый секретарь ЦК республики Берия и нарком внутренних дел Грузии Гоглидзе, в четвертом – обслуга и в пятом – опять охранники. Вдруг на полдороге Берия попросил вождя пересест из второй в четвертую машину, сославшись на некое «предчувствие» (правда, кроме мистического предощущения, имелось еще и донесение агента). И действительно, когда кортеж переезжал через горную речку, именно под второй машиной мост рухнул. Естественно, считается, что это происшествие было подстроено Берией – как же иначе, ведь врагов в стране не существовало...

Еще об одной попытке покушения стало известно по чистой случайности. В 1993 году доктор исторических наук Петр Черкасов участвовал в изучении документов из французского Особого архива, который немцы захватили во время оккупации Франции. После 1945 года архив оказался в Москве и теперь, в соответствии с договоренностью между Россией и Францией, подлежал возвращению на родину. Там, в одном из донесений французской разведки, Черкасов нашел сведения о неизвестном ранее покушении на Сталина.

11 марта 1938 года, во время вечерней прогулки генсека по территории Кремля, некий человек в форме офицера войск ГПУ попытался его убить. Как выяснилось потом, это был лейтенант Данилов, военнослужащий тульского гарнизона. В Кремль он попал по поддельным документам. На допросе Данилов показал, что его целью было отомстить за маршала Тухачевского, и признался, что состоит в тайной террористической организации. Можно относиться к этому признанию как угодно, однако четыре человека, которых он назвал как своих сообщников, не дождавшись ареста, покончили с собой (естественно, о показаниях Данилова они знать не могли). Это были инженер Астахов, штабной майор Войткевич, капитан Одивцев и капитан Пономарев. Запомним эту историю, пригодится...

Глава 3. Удар молнии

Душно. Густой тяжелый воздух. Весь мир притих и смотрит туда, где от края земли поднимается темно-сизая туча. Она растет, обнимая полнеба, наливаясь грозной тяжестью. Еще мгновение, и она расколется блистающей стрелой молнии. Древние считали, что молния разумна. Материалисты уверены, что она слепа.

Так слепа или разумна?

Напряжение в стране нарастало. Оппозиция консолидировалась, угрозы становились решительнее, пропаганда острее. Все пока что оставалось на уровне болтовни, однако ситуация должна была развиваться – либо вверх, либо вниз. Вниз – значит прекращать сопротивление и начинать наконец заниматься делом. Вверх – переходить к другим формам борьбы. Манифесты и подпольные типографии были уже пройденным этапом. Следующим, по логике борьбы, должен стать террор.

Поэтому когда в Ленинграде убили первого секретаря Ленинградского обкома Кирова, ни у кого и мысли не возникло, что это может быть чем-либо иным, кроме как происками врага. Да и враг казался очевидным: Ленинград – бывшая вотчина Зиновьева, где оставалось множество его сторонников, затаившихся, выжидающих своего часа.

Между тем с этим убийством до сих пор не ясно ничего. Где-то в России должно было произойти подобное преступление, и оно произошло. То, что должно было случиться, случилось, однако как-то не так, странно и нелепо...

Так слепа молния или разумна?

Этот вопрос, в применении к одному из самых громких преступлений в советской истории, не дает покоя исследователям вот уже семьдесят лет. Причем совершенно безрезультатно.

«Съезд победителей», он же «съезд расстрелянных»

Итак, противостояние нарастало. А с другой стороны, к 1934 году стало ясно, что политика властей оправдывает себя. Страна понемногу выбиралась из разрухи, не той, что, по выражению профессора Преображенского, «не в клозетах, а в головах», а той, что происходила по причине отсутствия клозетов. Равно как заводов, электростанций, урожаев и прочего. Политика власти оправдывала себя, авторитет ее рос, и страна понемногу сворачивала на путь, который носители русского имперского сознания узнали бы из тысяч путей. А носителем оногo сознания был весь народ. Оттого-то и вспоминают те, кто жил в 30-е годы, это время как удивительно светлое. Не потому, что ели сладко, а потому, что жили сообразно менталитету.

В известном смысле, очередной вехой стал XVII съезд партии, который со временем начал носить двойное название. Его называли «съездом победителей» и «съездом расстрелянных». Самое любопытное – что так оно и было. Просто первое название имеет отношение к экономике и государственной жизни, а второе – к политике.

«Съездом победителей» XVII съезд называли, поскольку основным тоном на нем были рапорты об успехах и победах индустриализации – кстати, достаточно честные. Проблем было много, но и успехи налицо. Второе название ему дали по той причине, что большинство его делегатов впоследствии были репрессированы. А еще XVII съезд может быть назван «днями восхваления». Не было ни одного выступления, в котором не говорилось бы о «величайшем», «гениальнейшем» и пр. Само собой, эпитеты адресовались Сталину. Что весьма забавно, поскольку Сталин восхвалений не любил, и его отношение к собственному культу

варьировалось от насмешки до презрения. Многие делегаты это знали, в силу своего положения в партии не могли не знать – и тем не менее...

Отвлечемся ненадолго от политики, от оппозиции и поговорим о «культе личности». Безусловно, какой-то культ в государстве должен существовать и поддерживаться властями, по той же причине, по какой страна должна кормить свою армию – иначе ей придется кормить чужую. Точно так же обстоит дело и в области идеологии. У советского правительства большого выбора в этой области не было, а точнее, не существовало никакого. Надо было заставить работать классическую российскую триаду: «За Веру, Царя и Отечество». Судя по тому, как Сталин действовал, он это прекрасно понимал.

Отечество для населявших нашу шестую часть суши людей таковым и оставалось, веру худо-бедно, на некоторое время, могли заменить марксизм-ленинизм и мечты о построении справедливого общества. Что же касается второго члена триады, то и здесь тоже все было ясно. Попытки создать культ Ленина увенчались успехом, но на роль Царя тень Ильича не годилась. Так что Сталину пришлось смириться с неизбежным.

Тут ведь что интересно? Есть такой любопытный психологический казус: когда один человек говорит о другом, мы подчас мало узнаем о человеке, о котором говорят, но почти все – о том, кто говорит. Если, например, некто сексуально озабочен – ему кажется, что всем в мире движет секс. Если он одержим жаждой власти, он и другим приписывает те же побуждения. И так далее...

Так вот: большая часть расхожих представлений о Сталине, если проследить их до истока, исходит от Троцкого. А уж вот кто был озабочен собственным «я» и старательно трудился над созданием своего культа, так это Лев Давидович! Само собой, те же побуждения он приписывал своему оппоненту и тиражировал их на правах «соратника по борьбе». Хотя какие они были соратники? До 1917 года Сталин и Троцкий и знакомы-то фактически не были, а после 1917 года все время собачились. Так что по-человечески узнать друг друга у них возможности не было, и все рассуждения Троцкого о личности Сталина в основном являются плодом его буйной фантазии.

Между тем воспоминания людей, которые действительно знали Сталина, особенно знали его до 1917 года, когда у него не было необходимости заниматься собственным «имиджем», свидетельствуют, что это был очень скромный человек. До того, как он занял ведущее положение в государстве, эта скромность была исключительной, можно сказать, на грани патологии – достаточно хотя бы почитать его письма из сибирской ссылки. Проблемой самоутверждения до сорока лет он несколько не страдал, и где у нас основания думать, что эта черта появилась у него после сорока? Другое дело, что в той ситуации, которая сложилась в 30-е годы, от его личных качеств ничего не зависело. Россия должна иметь Царя, и человек, стоявший во главе государства, был обречен им стать... либо оказаться Петрушкой на царстве, но сие не про Сталина.

По этому поводу мы имеем свидетельство человека, которому уж точно нет никакого смысла врать. Леон Фейхтвангер, посетивший в 30-е годы Советский Союз, немало строк уделил именно культу, даже не столько самому культу, сколько отношению к нему его предмета.

«Он не позволяет публично праздновать свой день рождения. Когда его приветствуют в публичных местах, он всегда стремится подчеркнуть, что эти приветствия относятся исключительно к проводимой им политике, а не лично к нему...»

«Сталину, очевидно, докучает такая степень обожания, и он иногда сам над этим смеется. Рассказывают, что на обеде в интимном дружеском кругу в первый день нового года Сталин поднял свой стакан и сказал: “Я пью за здоровье несравненного вождя народов великого, гениального товарища Сталина. Вот, друзья мои, это последний тост, который в этом году будет предложен здесь за меня”».

Кстати, и по поводу «всеобщей преданности» он не питал никаких иллюзий. «Я (Фейхтвангер. – *Авт.*) указываю ему на то, что даже люди, несомненно обладающие вкусом, выставляют его бюсты и портреты – да еще какие! – в места, к которым они не имеют никакого отношения, как, например, на выставке Рембрандта. Тут он становится серьезен. Он высказывает предположение, что это люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием. Да, он считает возможным, что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его. “Подхалимствующий дурак, – сердито сказал Сталин, – приносит больше вреда, чем сотня врагов”».

Так что сам культ Сталина был идеологически обусловлен, а его особенности в какой-то мере происходили от излишнего усердия самих льстящих, сладострастно вылизывавших седалищное место главы государства, а в какой-то были порождением «черного юмора» тайных оппозиционеров. И то, и другое характеризует тогдашнюю верхушку партии далеко не самым лестным образом. Кстати, товарищам подхалимам можно от всей души посочувствовать – они попали в крайне неприятное положение. Ужасно льстить ничтожеству, но втройне ужаснее – умному человеку, который все понимает и относится к льстящим так, как они того заслуживают. Стоит подумать, чего не могли простить Сталину впоследствии разоблачители «культа» – самого культа или понимания их собственной подлости?

Но вернемся в зал съезда. Надо сказать, что «подхалимствующие дураки» отнюдь не ограничивались лестью в адрес Сталина – хватало и на долю местного начальства: «Блестящий доклад я позволю себе назвать поэмой пафоса социалистического строительства, поэмой величайших побед рабочих и трудящихся Таганрога. На фоне этих исторических побед ярко вырисовывается фигура Степана Христофоровича... Я хотел бы – и это желание делегатов – доклад Степана Христофоровича издать брошюрой на хорошей бумаге и раздать каждому присутствующему здесь делегату... и пусть этот доклад, эта героическая поэма, симфония нашего строительства, будет понята каждым».

На главу государства те из льстецов, кто уцелел, осмелились поднять хвост лишь после XX съезда. Очередь «Степанов Христофоровичей» придет куда раньше – через три-четыре года.

Особенно прогибались перед Сталиным бывшие лидеры оппозиции. Те, которых Киров, со всем презрением победителя к капитулянтам, назвал «обозниками» (в том смысле, что до тех пор они были «в обозе»). Исходя из того, что лидеры оппозиции вместе с прочими превозносили гениальность вождя, многие наши публицисты от истории почему-то делают вывод, что все они не только пострадали безвинно, но даже и мыслей о сопротивлении режиму у них не возникало. Как будто слово – это дело.

Впрочем, существует легенда, что именно на XVII съезде была предпринята последняя легальная попытка снять Сталина. Рассказывают о некоем тайном совещании на квартире Орджоникидзе, участники которого всерьез говорили о замене Сталина Кировым. Киров их высмеял: «Что вы глупости говорите! Какой я генеральный?» Кто-то рассказал про это совещание Сталину – по некоторым данным, сам Киров – и Сталин, выслушав его, сказал: «Спасибо, я тебе этого не забуду!» И не забыл.

Такова легенда.

Может статься, впрочем, это совещание и было. Может быть, и нет – не в этом суть. «Хотеть» и «обсуждать» может кто угодно, как угодно и где угодно. Важно не кто хочет, а кто решает. А решался этот вопрос голосованием. Тайным, между прочим...

Так что же решил съезд? Даже по самым «ужасным» оппозиционным данным, которые, скорее всего, надо делить на десять, в результате тайного голосования против Сталина было подано 292 голоса из 1225 возможных. Эту цифру называли три члена счетной комиссии, дожившие до 50-х годов, – то есть, возникла она уже после XX съезда.

С другой стороны, есть ведь и архивные документы съезда. Там указано, что против Сталина было подано 3 голоса, против Кирова – 4. Однако самих бюллетеней сохранилось всего 1054, хотя на съезд было выдано 1225 мандатов. Допустим, результаты голосования действительно были сфальсифицированы и бюллетени «против» уничтожили. В таком случае, недостает 171 голоса. Будем считать, что это и были те, кто проголосовал «против». Поверим, что так оно и было, что бюллетени не потеряли по разгильдяйству, что никто из делегатов съезда к моменту голосования не сидел с приятелями в буфете, не проспал решающий момент и не лежал пьяный где-нибудь в уголочке. И что у нас получается? Получается, что, по полностью непроверенным данным, в самый разгар оппозиционных настроений против Сталина было около 25 процентов партийной верхушки, а по данным, поддающимся хоть какой-то проверке, их было 13 процентов, и говорить о том, что на съезде оппозиция имела хотя бы какие-то шансы снять Сталина, сами понимаете...

Так что если XVII съезд и был победой оппозиции, то лишь по интеллигентской логике времен «застоя», когда в качестве победы рассматривалось что-либо вроде: «А я ему руки не подал! Вот!» А на самом-то деле даже «нефальсифицированные» результаты голосования были сокрушительным поражением. Если в партийных верхах, где оппозиционные настроения были наиболее сильны, противники Сталина смогли набрать всего лишь 25 % голосов – то как это назвать? А внизу сторонников оппозиции было значительно меньше. Так что большинство по-прежнему одобряло правительственный курс. Все попытки легального снятия Сталина, если они, конечно, имели место, провалились. Оппозиция проиграла и, проиграв, стала особенно опасна.

Все дальнейшие события объяснимы только с двух точек зрения. Одна – официальная: вождь был параноиком и устроил «охоту на ведьм» в соответствии со своими бредовыми галлюцинациями. Другая – альтернативная: он был психически нормален, зато в стране существовала нелегальная оппозиция, точный списочный состав которой был неизвестен (старые конспираторы!), однако весьма мощная, захватывающая верхушку партии и имеющая разветвленную сеть низовых групп. Сдаваться она не собиралась. А поскольку все легальные попытки снять главу государства провалились, культ его утверждался все прочнее, то естественно было ожидать, что оппозиция перейдет к «нелегальным» методам, то есть к террору либо к попытке государственного переворота. А может быть, и к тому, и к другому.

И тут, ну прямо как по заказу, это убийство!

1 декабря 1934 года

Сейчас точно известно, что делал Киров в тот роковой день и чего он не делал. А также что делал его убийца. И, что бы ни писали про трассологическую экспертизу, сперму на кальсонах и пр., пока что подвергать эти данные сомнению нет оснований.

...На 1 декабря в Ленинграде было назначено собрание партийного актива, посвященное итогам ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б). Время начала – 18 часов, место проведения – Таврический дворец. Киров, который должен был выступать на этом собрании, в тот день в Смольный не поехал. Он остался дома и готовился к докладу. Курьер возила ему материалы. Приезжать в Смольный он не собирался, так что ждать его там было бессмысленно.

В тот же самый день Леонид Николаев, бывший служащий РКИ⁴, а ныне безработный, пришел в Смольный с целью добыть билет на собрание партактива, на котором он намеревался убить Кирова. На допросе он показал, что пришел в Смольный примерно в 13.30 и

⁴ Рабоче-крестьянская инспекция.

пробыл там около часа. Достать билет ему не удалось. Один из старых знакомых, секретарь сельскохозяйственной группы Петрашевич, пообещал ему билет, если останется, и предложил зайти вечером. Николаев вышел на улицу, погулял и вернулся обратно в 16.30.

Киров около 16 часов позвонил в гараж, находившийся в том же доме, где он жил, и попросил подать машину. Он прошел пешком несколько кварталов, затем у Троицкого моста сел в автомобиль и поехал в Смольный, куда прибыл также около 16.30.

Дальше рассказывает сам Николаев: «Поднявшись на третий этаж, я зашел в уборную, оправился и, выйдя из уборной, повернул налево (к выходу. – *Авт.*). Сделав два-три шага, я увидел, что навстречу мне по правой стене коридора идет Сергей Миронович Киров на расстоянии 15–20 шагов. Я, увидев Сергея Мироновича Кирова, остановился и отвернулся задом к нему, так что, когда он прошел мимо, я смотрел ему вслед в спину. Пропустив Кирова от себя на 10–15 шагов, я заметил, что на большом расстоянии от нас никого нет. Тогда я пошел за Кировым вслед, постепенно нагоняя его. Когда Киров завернул налево к своему кабинету, расположение которого мне было хорошо известно, вся половина коридора была пуста – я подбежал шагов пять, вынув на бегу наган из кармана, навел дуло на голову Кирова и сделал один выстрел в затылок. Киров мгновенно упал лицом вниз».

Затем Николаев попытался застрелиться, но неудачно. На шум выстрела тут же всюду выбежали люди. Коридор также не был пуст – там работали электрики. Один из них прямо со стремянки бросил в убийцу молоток – скорее всего, именно поэтому тот и не смог попасть в себя.

Точное время убийства – 16 часов 37 минут.

Николаев никогда не отказывался от того, что убийство совершил он. В качестве мотива он называл отчаянное моральное и материальное положение. Действительно, к тому времени он был безработным, исключенным из партии, на просьбы о материальной помощи никто не откликался. И тогда он нашел виновника всех своих бед.

С другой стороны, Николаев был уж очень примечательной личностью. По правде сказать, им давно следовало бы заняться психиатрам. Патологически скандальный и склонный, внешне уродливый, терзаемый жесточайшими комплексами. Вот кто был параноиком с манией преследования, а не Сталин! Если снимать фильм о том, как маньяк-одиночка совершает громкое политическое убийство, то героя особо искать не надо – бери Николаева и работай.

О подготовке преступления, о личности убийцы известно множество подробностей. Никаких несовпадений там нет. Человек полувменяемый, убийство готовил долго, ход подготовки записывал в дневник. После убийства впал в истерику, кричал то «я отомстил!», то «что я наделал!». Следов его участия в каких-либо оппозициях не обнаружено. Бывают такие преступления, бывают, кто же спорит...

Но есть в этом деле и некоторые странности. Во-первых, в нем имеется несколько совпадений. Совпадения эти, на первый взгляд, вполне возможные. На второй... тоже вполне возможные. Но если собрать их вместе – то что-то их многовато, этих самых совпадений.

Первое. Киров, как известно, не собирался приезжать в этот день в Смольный. Однако почему-то, неожиданно для всех, передумал и приехал.

Второе. Это совпадение поистине роковое. Именно в ту самую минуту, когда Киров входил в штаб революции, Николаев собирался из него уходить. Они столкнулись в коридоре третьего этажа, совершенно случайно. Если бы Киров пришел минутой раньше или Николаев вышел из туалета минутой позже, ничего бы не произошло.

Третье. В момент покушения Киров оказался в коридоре один. Его личный охранник Борисов отстал, причем отстал конкретно – находился за углом коридора. Разгильдяйство, конечно, но Советская Россия в то время была страной разгильдяев. Кто его знает, почему

он отстал. Может, в туалет зашел, может, покурить захотелось, а может, и потому отстал, что Киров не любил, чтобы охрана за спиной маячила. Но факт, что человек, который по долгу службы должен перехватить руку убийцы, который для того и приставлен, находился за углом. Бывает. Но...

Четвертое. На следующий день, когда в Ленинград приехал Сталин, он почти сразу же потребовал, чтобы к нему привезли охранника Кирова. И вот как раз в то время, когда его везли к Сталину, Борисов погиб. Погиб нелепо – грузовик, в котором он ехал, врезался в стену. И удар-то был несильным, ни машина, ни те, кто в ней находились, почти не пострадали – кроме Борисова, который стукнулся так неудачно, что погиб на месте. Причем и акт о смерти, и описание происшествия выглядят крайне убедительно, комар носу не подточит. Просто совпадение.

Нет, как хотите, а в этой истории что-то многовато совпадений.

Четыре совпадения и два вопроса:

Зачем Кирову понадобилось приезжать в Смольный?

Что делал Николаев между двумя визитами в здание обкома?

Ответим сначала на второй: неизвестно. По его словам, гулял где-то неподалеку от Смольного.

А теперь вернемся к первому вопросу. Что могло заставить Кирова изменить свои планы?

Самыми первыми, естественно, успели дать ответ на этот вопрос сексуально озабоченные «желтые» журналисты. Мол, Киров приезжал в Смольный по вызову своей любовницы Мильды Драуле, жены Николаева. Не то проблему какую решить, не то просто ее трахнуть.

Ну, тут уж позвольте не верить. Покажите мне крутого и серьезного мужика (а Киров был мужик крутой и серьезный), который, будучи по горло занятым, побежит разбираться с любовницей. «Дорогая, – скажет он, – все, что хочешь, но потом. Прочитаю свой доклад, и любую тебе камасутру предоставлю, а пока ко мне не лезь».

Впрочем, было одно ведомство, по вызову которого в той обстановке секретарь обкома сорвался бы с места и поехал, невзирая на расписание и погоду. Ведомство это называлось НКВД. Оно же вполне могло разобраться и с охранником. В его силах было организовать любое убийство.

Так вот: оказывается, Киров действительно приехал в Смольный, чтобы встретиться с начальником УНКВД по Ленинграду и области Ф. Д. Медведем. Встреча была назначена на 16.30. Очевидцы вспоминают: минут через 10–15 после убийства появился Медведь, вид у него был растерянный. На встречу он опоздал. В 16.30, когда Киров входил в здание Смольного, главный чекист еще только вызвал машину. Может быть, такое опоздание при тогдешнем бардаке было и в порядке вещей. Кто их там знает, но все же как-то странновато: первое лицо в области, секретарь обкома, приезжает вовремя, а главный чекист так непунктуален.

Вот и еще одно, пятое странное совпадение: опоздание начальника УНКВД на встречу, которое повлекло за собой столь роковые последствия.

По отдельности все эти странности значат немного, но все вместе представляют дело в таком свете, что и теперь, несмотря на вроде бы убедительные доказательства того, что убийство Кирова было делом рук маньяка-одиночки, в это все равно не верится.

Стоит ли удивляться, что и Сталин не поверил?

«Дело Николаева» и его последствия

Итак, выстрел в Смольном был однозначно, всеми в стране расценен как начало террора со стороны оппозиции. Этим объясняется все то, что происходило в дальнейшем.

Более того, именно так оно было воспринято даже самой оппозицией. Эренбург, узнавший об убийстве от Бухарина, вспоминал: «На нем не было лица. Он едва выговорил: “Вы понимаете, что это значит? Ведь теперь он сможет сделать с нами все, что захочет. – И после паузы добавил: – И будет прав”».

Считается, что Сталин воспользовался убийством Кирова как предлогом, чтобы разбраться наконец с оппозицией. Считается так же однозначно, как то, что Земля круглая, а Волга впадает в Каспийское море. Сомневаться в этом неприлично. И все же усомнимся. Поскольку не та была ситуация, чтобы чем-то «пользоваться», искать какие-то «предлоги». Повторим: никакая другая версия, учитывая общую обстановку в стране и в партии, просто не могла прийти в голову. И не пришла.

Сразу же после убийства газеты подняли шум о терроре, и первое последствие было закономерным – ужесточение мер против террористов. Еще 1 декабря Президиум Верховного Совета принял постановление за подписью Калинина и Енукидзе, которым предписывалось: «...вести дело обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком; судебным органам – не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайства преступников данной категории о помиловании... Органам Наркомвнудела – приводить приговоры о высшей мере наказания в отношении преступников вышеуказанных категорий немедленно по вынесении судебных приговоров». Текст постановления написан рукой Кагановича, но без Сталина тут, конечно же, не обошлось. Чрезвычайные меры – это было первое, что он предпринял, услышав об убийстве, а потом уже отправился в Ленинград.

Спустя несколько дней были даны и конкретные рекомендации.

«1. Следствие по этим делам заканчивается в срок не более десяти дней.

2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения в суде.

3. Дело слушать без участия сторон.

4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение по вынесении приговора».

Только не надо говорить тут о «невинных жертвах». Речь идет о подлинных террористах. Одни из них были заброшены из-за границы, где к тому времени имелось немало белогвардейских террористических организаций – хотя бы тот же РОВС. Другие выросли дома – например, коллективизация ознаменовалась колоссальной вспышкой террора, его жертвы исчислялись тысячами.

Можно подумать – и подумали, конечно! – что по этому постановлению были расстреляны тысячи людей. Между тем последствия «страшного» указа оказались невелики. «Правда» опубликовала сообщения о расстреле в Москве, Ленинграде, Киеве и Минске 94 человек по обвинению в подготовке терактов. Террористы, как говорилось, тайно проникли в СССР через Польшу, Румынию, Литву, Финляндию. То есть, судя по газетному сообщению, указ коснулся белогвардейских боевиков.

...А в Ленинграде набирало обороты «дело Николаева». Естественно, его сразу же стали «раскручивать» как члена террористической оппозиционной организации, выискивая в его окружении тайных и явных оппозиционеров.

Находясь в тюрьме, убийца переходил от депрессии к истерике и наоборот, совершил несколько попыток самоубийства, так что в камере с ним все время находился охранник. Первые дни он утверждал, что сделал все один. Следствие давило на него отчаянно, заместитель Ягоды Агранов самолично проводил допросы. 6 декабря его допрашивали семь раз

– и дожали: он начал называть «подельников», а точнее, просто людей, с которыми был знаком, вплоть до друзей детства и в конце концов дал все нужные показания.

«Группа Котлынова готовила террористический акт над Кировым, причем непосредственное его осуществление было возложено лично на меня. Мне известно от Шатского, что такое же задание было дано и его группе, причем эта работа велась ею независимо от нашей подготовки террористического акта... Котлынов сказал, что... устранение Кирова ослабит руководство ВКП(б) ... Котлынов проработал непосредственно со мной технику совершения акта, одобрил эту технику, специально выяснял, насколько метко я стреляю; он является непосредственно моим руководителем по осуществлению акта. Соколов выяснил, насколько подходящим является тот или иной пункт обычного маршрута Кирова, облегчая тем самым мою работу... Юскин был осведомлен о подготовке акта над Кировым: он прорабатывал со мной вариант покушения в Смольном...»

Впрочем, остальные оказались крепче. Как ни усердствовало следствие (кстати, насколько известно, пытки ни к Николаеву, ни к остальным не применялись), из четырнадцати человек, привлеченных по делу, только трое, кроме самого Николаева, признали свою причастность к убийству. Остальные признавали лишь прошлую принадлежность к оппозиции, а Шатский отрицал все. Тем не менее «подельники» Николаева были не случайными людьми: на их квартирах устраивались нелегальные встречи с приезжавшими в Ленинград деятелями оппозиции, у некоторых нашли оппозиционные документы, такие, как «рютинская платформа», «ленинское завещание» и т. п. К. Н. Емельянов держал дома почти весь архив ленинградской оппозиции, ставший незапланированным «уловом» чекистов.

Все четырнадцать человек были приговорены к высшей мере наказания. И вот еще одна из многочисленных странностей этого дела. Процесс считается полностью фальсифицированным (за исключением, конечно, приговора Николаеву). Однако не только хрущевская, но даже яковлевская реабилитационная комиссия, ознакомившись с материалами дела, в реабилитации по нему отказала. И лишь в 1990 году, когда реабилитировали всех, она состоялась.

Тут вот в чем тонкость: «дело Николаева» – это около ста томов протоколов допросов, очных ставок и т. п. Человеку, который захочет досконально в этом деле разобраться, придется прочесть их все. Если даже кто-либо из историков и способен на такой великий подвиг, толку от этого будет немного, потому что прочесть мало – надо осмыслить, и для этого нужно быть юристом⁵. Не думаю, что какие-либо юристы, кроме тех, кто по долгу службы занимался реабилитацией, данным чтением озаботились. И что, в таком случае, значат эти два отказа?

...Из Ленинграда расправа с оппозиционерами переместилась в Москву. По так называемому делу «Московского центра» проходило 19 человек во главе с Зиновьевым и Каменевым. Их обвиняли не в терроризме, а в «подпольной контрреволюционной деятельности» – чем они, по сути, и занимались. Расстрельных приговоров там не выносилось. Трое, в том числе Зиновьев, были приговорены к 10 годам тюрьмы, остальные получили меньшие сроки, Каменев – пять лет.

Затем появилась еще и так называемая «ленинградская контрреволюционная террористическая группа Сафарова, Залуцкого и других». Входило в нее 77 человек, и обвиняли их в «содействии контрреволюционной зиновьевской группе» – тоже, по всей вероятности, совершенно обоснованно. Там приговоры оказались еще мягче – все, кроме тех, что были

⁵ Самый простой тому пример: «дело Берии». Сколько было споров о степени его достоверности – но стоило этому замечательному «следственному делу» попасться на глаза профессиональному юристу, от него бумажки на бумажке не осталось, и спорить стало не о чем.

вынесены родственникам Николаева. Его жена Мильда Драуле, ее сестра и муж сестры в феврале 1935 года были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны. Что тоже странно. В то время в СССР еще не бросались в массовом порядке расстрельными приговорами. Если бы их судили в декабре, по самому «делу Николаева», это можно было бы понять – но что значит такой приговор два месяца спустя?

По этому поводу современные исследователи выдвигают версию, что Николаева использовали «втемную», поощряя и разжигая его ненависть к Кирову. Если так, то без родственников тут и вправду трудно обойтись. Но зачем идти таким сложным и неверным путем – разжигать ненависть психически неуравновешенного человека, – когда можно попросту организовать теракт?

Есть и один крохотный, но странный фактик, имеющий отношение к Мильде Драуле. В донесении на имя Сталина председатель Военной коллегии Верховного суда Ульрих пишет: «Мильда Драуле на тот вопрос, какую она преследовала цель, добиваясь пропуска на собрание партактива 1 декабря с.г., где должен был делать доклад т. Киров, ответила, что “она хотела помогать Леониду Николаеву”. В чем? “Там было бы видно по обстоятельствам”». Получается, что пропуска добивался не только муж, но и жена? Зачем? И действительно, в чем Мильда собиралась помогать мужу?

...Новый начальник Ленинградского УНКВД Заковский суммировал итоги разборки с оппозицией в следующей справке:

«С 1-го декабря (1934) по 15 февраля 1935 г. всего было арестовано по контрреволюционному троцкистско-зиновьевскому подполью – 843 человека.

Эта цифра складывается из репрессированных:

По делу “Ленинградского центра”.

По делу “Московского центра”.

Членов зиновьевской контрреволюционной организации, связанной с обоими центрами.

Участников зиновьевско-троцкистского подполья, арестованных до 3 февраля 1935 г.

Зиновьевцев и троцкистов, арестованных по трем последним операциям в количестве 664 человек»⁶.

Так что, как видим, «дело Кирова», что и предвидел Бухарин, послужило предлогом для репрессий против оппозиции. А с другой стороны – чего эти товарищи, собственно, ожидали? Талонов на усиленное питание?

Одновременно с разбирательством по самому «делу Николаева» и делам-спутникам последовал и удар по оппозиции вообще. Члены Политбюро явно считали, что убийство Кирова – это только начало. Они хорошо знали привычки своих бывших товарищей по революции, а кровавые тени Столыпина, Володарского, Урицкого и многих других жертв «революционного террора» едва ли служили доводом в пользу гуманности. Да и самому Сталину в его революционной молодости приходилось организовывать теракты в родной Грузии, так что он знал, как это делается.

26 января Сталин подписал Постановление Политбюро о высылке на север Сибири и в Якутию 663 «зиновьевцев». Еще одну группу бывших оппозиционеров отправили на работу в другие районы. Кроме того, из Ленинграда было выслано, по официальным данным, 1074 человека «из бывших». По другим свидетельствам, их было больше, по данным 90-х годов – до нескольких десятков тысяч. Впрочем, по данным 90-х годов, в СССР было расстреляно несколько десятков миллионов человек. (На одной Колыме число погибших исчисляли мил-

⁶ Цит. по: Кирилина А. Неизвестный Киров. СПб., 2001. С. 373.

лионами, совершенно не смущаясь технической невозможностью их туда доставить.) Так что остановимся все же на этом числе: 1074 человека.

Ничего кошмарного тут опять же нет, это обычная практика коллективной ответственности. Кстати, в той же Российской империи людей арестовывали и высылали за одну лишь принадлежность к радикальным партиям. Или возьмем, например, любимую страну наших «прорабов перестройки», оплот и гордость демократии – Соединенные Штаты. В 1942 году более сотни тысяч жителей западных штатов были внезапно отправлены в концлагеря по совершенно бредовым обвинениям. Их обвиняли в том, что они отравляли овощи и фрукты, что их цветочные клумбы указывали на ближайшие аэродромы, и т. п. Вся вина этих людей заключалась в их японском происхождении. При этом на территорию Штатов не упала ни одна японская бомба, даже перспективы такой не было.

А вы говорите – оппозиционеров ссылали...

Кстати, репрессии были отнюдь не слепыми, Сталин знал, куда направить удар. Ежов позднее вспоминал, что он почти сразу сказал: «Ищите убийцу среди зиновьевцев». Это было самое естественное предположение – ведь именно Зиновьева Киров сменил на посту секретаря Ленинградского обкома.

Историк Юрий Жуков по этому поводу писал: «За убийством Кирова последовали беспрецедентные, небывалые еще по масштабам аресты, жесточайшие репрессии. На пяти процессах приговорили к расстрелу 17 человек, к тюремному заключению на различные сроки – 76 человек, к ссылке – 30 человек, да, к тому же, сугубо партийным постановлением к высылке – 988 человек⁷. Затронула же столь суровая кара в подавляющем большинстве бывших участников оппозиции, но лишь зиновьевской, а не, скажем, троцкистской».

Выходит, репрессии не были такими уж слепыми, как нам пытаются их представить. Они были нацелены на вполне определенную группу. И попала она в «зону особого внимания» не в 1934 году, а гораздо раньше.

Еще 25 июня 1925 года Сталин пишет Молотову: «Я... несколько раз приходил к различным мнениям и, наконец, утвердился в следующем:

1) До появления группы Зиновьева оппозиционные течения (Троцкий, рабочая оппозиция и др.) вели себя более или менее лояльно, более или менее терпимо;

2) С появлением группы Зиновьева оппозиционные течения стали нагнать, ломать рамки лояльности;

3) Группа Зиновьева стала вдохновителем всего раскольничьего в оппозиционных течениях, фактическим лидером раскольничьих течений в партии...»

Сейчас принято думать, что лидером и вдохновителем оппозиционных течений был Троцкий. А почему, собственно? Потому что он и его последователи громче прочих об этом кричали? Да, за Троцким стояли военные. Но и за Зиновьевым была немалая сила, и отнюдь не одни питерские партийцы...

Продолжим чтение письма Сталина:

«...Такая роль выпала на долю группы Зиновьева потому, что: а) она лучше знакома с нашими приемами, чем любая другая группа; б) она вообще сильнее других групп, ибо имеет в своих руках Исполком Коминтерна, представляющий собой серьезную силу...»

Сейчас опять же принято считать, что Зиновьев являлся человеком безобидным. Возможно, сам он таким и был – но не его окружение. До 1926 года он был не только секретарем Ленинградского обкома, но и председателем Исполкома Коминтерна, и не стоит думать, что после ухода с этих постов он потерял свои связи.

О Коминтерне пишут мало и невнятно, и в сознании народном он предстает эдаким сборищем вдохновленных революционеров с горящими глазами, вроде тех, какие в 1917-м

⁷ Оставим термин «жесточайшие» на совести Ю. Жукова.

пришли к власти в России. Между тем Коминтерн был не только организацией, занимавшейся экспортом революции, это была еще и крупнейшая по тем временам террористическая организация с колоссальными, не выявленными и по сей день международными связями. Достаточно упомянуть, что лучшая в мире довоенная советская разведка была таковой, потому что опиралась на международную сеть Коминтерна. И вот ребятам из этой структуры организовать террористический акт любого уровня было, пардон, раз плюнуть...

Что стоит за убийством Кирова?

В 90-е годы самой модной версией являлась та, что убийство организовано по приказу Сталина, который «заказал» Кирова как возможного конкурента. Имеет ли эта версия под собой реальную основу? Да, имеет, целых две. Первая: Сталин был параноик с маниакальной жаждой власти – на эту тему мы говорить не будем, кому интересно, пусть Антонова-Овсеенко почитает. Вторая – вождь был психически нормален, зато Киров являлся фаворитом оппозиции и его конкурентом.

В этом случае вопрос, кто и почему убил Кирова, прямиком упирается в другой: на чьей стороне был Киров? Если тут возможны хоть какие-то сомнения. Насколько известно, единственное сомнение может быть основано на мемуарах старого французского коммуниста Марселя Боди, который в воспоминаниях упоминал о встрече с кремлевским врачом Л. Г. Левиным. Левин рассказывал Боди о «тайных мыслях» Кирова, который хотел положить конец всем и всяческим внутрипартийным расколам, отказаться от коллективизации, вернуться к нэпу. А также восстановить внутрипартийную демократию и право на существование всех течений, в том числе и троцкистов, а возможно, и допускал возвращение Троцкого в СССР. Однако в архиве Троцкого упоминаний об этом разговоре не нашлось. Да и уж больно не верится в сусальную фигурку этакого идеального «внутрипартийного демократа», удовлетворяющего чаяния всех без исключения недовольных и делящегося своими планами исключительно с кремлевским врачом и ни с кем другим, ибо иных свидетельств подобных взглядов Кирова не обнаружено. Зато обратных – сколько угодно. Если Киров и был настроен антисталински, то внешне это настроение никак не проявилось. Наоборот, он считался твердокаменным сталинцем и ничем не дал оснований подозревать, что это не так.

Дать приказ о ликвидации верного сторонника, которых у Сталина было не так уж и много? Ради чего – чтобы оправдать террор? Или во всей стране больше нечем жертвовать? Если уж очень хотелось «Кобе» кого-то убить для обоснования террора, мог бы выбрать того же Бухарина – урона для дела никакого, а что шуму-то будет! Или, скажем, Тухачевского, против которого уже тогда имелся очень серьезный компромат, и на этой основе развернуть репрессии. У Сталина не прослеживается даже тех мотивов, которые были у Бориса Годунова – ну абсолютно никаким образом не нужна была ему смерть Кирова. Изобрести-то мотивацию можно, было бы желание, и наизобретали – а вот реальных мотивов что-то не видать.

Откуда же пошла та уверенность, что «заказчиком» покушения был Сталин? Да оттуда же, откуда и все остальное. Недвусмысленные намеки на это содержались в докладе Хрущева на XX съезде. По словам того же Хрущева, Микоян говорил, что Киров в последнее время молчал на заседаниях Политбюро. Рассказывали о конфликтах, связанных с попытками улучшить продовольственное снабжение Ленинграда, и о критике Кирова Сталиным. Что, это повод для убийства? Ну не надо таких песен, нынче все-таки не 1990-й год...

Давайте займемся любимой игрой многих нынешних писателей и вступим в область безответственных предположений, называемых одними аналитикой, а другими политологией. В «деле Кирова» возможны три варианта:

- преступление маньяка-одиночки;
- теракт оппозиции;
- политическое убийство.

С первым вроде бы все ясно, почти все основные факты «за» и «против» мы уже рассмотрели (хотя есть еще пара незадействованных козырей).

Если рассматривать второй вариант, то, в общем-то, все тоже выглядит почти логично.

Почему был избран Киров? Ну, во-первых, он сменил Зиновьева, одного из лидеров оппозиции, в его вотчине – Ленинграде. Это было очень обидно и вполне могло поставить его в круг мишени.

Во-вторых, убийство Кирова было жестоким ударом по Сталину. Если, допустим, хотеть причинить ему наибольшую боль, то это именно та фигура.

Мария Сванидзе, жена брата Екатерины Сванидзе, первой жены Сталина, вела дневник. Знала она своего высокопоставленного родственника хорошо, нисколько его не боялась и относилась очень нежно, с трогательной любовью. Потерю Кирова по воздействию на Сталина она приравнивала к смерти Надежды Аллилуевой. Вот что она пишет:

«На ступеньки гроба поднимается Иосиф, лицо его скорбно, он наклоняется и целует лоб мертвого Сергея Мироновича. Картина раздирает душу, зная, как они были близки...

...9-го вечером пошли в Кремль... И. был, как всегда, мил. Он осунулся, побледнел, в глазах его скрытое страдание. Он улыбается, смеется, шутит, но все равно у меня ныло сердце смотреть на него. Он очень страдает. Павлуша Аллилуев был у него за городом в первые дни после смерти Кирова – и они сидели вдвоем с Иосифом в столовой. Иосиф подпер голову рукой (никогда я его не видела в такой позе) и сказал: “осиротел я совсем”...

...Иосиф говорил Павлуше, что Киров ухаживал за ним, как за малым ребенком. Конечно, после Надиной трагической смерти это был самый близкий человек, который сумел подойти к И. сердечно, просто и дать ему недостающие тепло и уют. Мы все как-то всегда стесняемся лишний раз зайти, поговорить, посмотреть на него...»

Приезжая в Москву, Киров в последние годы останавливался у Сталина и даже, единственный из всех, парился с ним в бане. Так что это был удар по очень близкому вождю человеку, а ненависть оппозиционеров к Сталину была именно личной.

Как это могло состояться организационно? Например, так...

Допустим, в Ленинградском УНКВД, как и везде в городе, существовала группа подпольщиков-оппозиционеров. Входил в нее Медведь или не входил – не столь уж и важно. Он мог вызвать Кирова на встречу как согласно планам заговорщиков, так и по другому поводу. Например, предупредить, что, по данным чекистов, вечером на него планируется покушение – тем более что оно на самом деле планировалось. Тогда можно объяснить и более чем странное совпадение, когда Николаев и Киров совершенно случайно встретились на третьем этаже Смольного – если Николаев, пока «гулял», позвонил по телефону, и ему сообщили, что Киров к 16.30 прибудет в Смольный. Не обязательно это Медведь, он мог разговаривать и с кем-либо другим, кто был в курсе планов главного чекиста – у того имелись секретари, порученцы – да мало ли кто мог об этом узнать? Ну, а Борисов и вправду мог погибнуть случайно. Всякие совпадения в жизни бывают. Но не пять же сразу!

Нет, еще раз повторимся: вполне возможно, что убийство Кирова было и случайным. За эту версию есть один мощный аргумент: при тогдашнем уровне непрофессионализма и разгильдяйства везде, в том числе и в наших славных органах, трудно поверить, чтобы удалось так виртуозно сфабриковать «бытовое» убийство. А главное – зачем? Ведь смысл теракта как раз в устрашении властей. Выдать бытовое убийство за террористический акт – такое бывает. Но наоборот? Смысл?

А вот если говорить не о теракте, а о политическом убийстве, все сразу приобретает иную окраску. Потому что политическое убийство, в отличие от теракта, вовсе не обязательно должно быть демонстративным. Его главная цель – устранить человека, а как – это уже второй вопрос.

Да, но зачем понадобилось устранять Кирова? Мы уже говорили о версии, что его убрал Сталин как возможного конкурента. Конкурентом вождю он быть не мог – не той силы фигура. А вот преемником – вполне...

Вернемся в 1918 год. В это критическое для новой власти время Ленин и Свердлов договорились между собой: если что-то случится с одним, то другой примет на себя всю полноту власти. Опасно строить все лишь на одном человеке. Обязательно должен быть второй, тот, который, если что-то случится с главой государства, возьмет в свои руки штурвал.

Если говорить о планируемом государственном перевороте, то вполне логично вывести из игры сначала второго, а потом уже замахиваться на первого. Мог ли Киров быть таким вторым? Современные аналитики считают, что не тянул он на возможного преемника Сталина.

Но преемника выбирают не из тех, кто достоин, а из тех, кто есть. Остальные члены команды Сталина откровенно не тянули. Киров, может статься, тоже – но меньше прочих. Да и почему, собственно, не тянул?

Ведь кто такой был Киров? Дело в том, что преемником Сталина мог стать только человек, имеющий опыт не наркомовской, и тем более не аппаратной работы, а опыт руководства регионом, комплексного руководства – политического, хозяйственного и прочего. То есть один из секретарей обкомов, крайкомов, республик и т. д.

Тогдашняя Ленинградская область была совсем не тем, чем является сейчас. Она включала в себя почти весь Северо-Запад России. Это колоссальная территория и второй по значимости, после Москвы, регион Советского Союза. В Москве сильный секретарь обкома был не нужен, там хоть кого посади, поскольку Кремль рядом. И тогда логично выдвинуть на второе место в государстве руководителя второго по значимости региона.

Непосредственно перед покушением Сталин официально, на Политбюро предложил избрать Кирова секретарем ЦК и освободить его от работы в Ленинграде, мотивируя это состоянием своего здоровья (!) и возрастом (!!). Если не Кирову предназначалась роль наследного принца, будущего преемника Сталина – то к чему такие аргументы?

Вождь в то время был, правда, не старик, но уже и не молод. Более того, по некоторым данным, и без того не слишком крепкое здоровье его серьезно пошатнулось – что и неудивительно после таких испытаний. Да и возможность покушения тоже следовало учитывать. Нет, надо, надо готовить преемника, чтобы было кому принять выпавшую из рук главы государства власть. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы предвидеть, какой кабак получится, если штурвал хотя бы ненадолго останется бесхозным. У всех на памяти еще был позорный «демократический» период 1917 года.

Киров хорошо подходил на роль наследника. Достаточно молодой, пользующийся огромным авторитетом, внешне привлекательный. Русский, что тоже важно. Сталин компенсировал свою национальную принадлежность откровенной, подчеркнута великорусской позицией. Кирову такая компенсация была бы ни к чему. Да и кто, кроме него, мог возглавить в то время страну? Каганович не вышел профилем, Молотов – характером, Ворошилов, Микоян, Орджоникидзе – вообще несерьезно...

Нечто похожее произошло в Испании. Когда серьезно заболел генерал Франко, жертвой покушения оппозиционеров стал не умирающий вождь, а его довольно бодрый преемник, адмирал Карреро Бланко. Логика здесь элементарная: вождь и так умрет, а преемника за один день не воспитаешь, и власть сама падает в руки оппозиции.

Кстати, о политических убийствах. В «деле Николаева» есть один маленький нюанс – общеизвестный, но, как нам кажется, недооцениваемый, который представляет всю эту историю в некоем новом свете.

«Немецкий след»

Уже 1 декабря, разбираясь по горячим следам с документами убийцы, следователи обнаружили, что в записной книжке Николаева имеется адрес и телефон германского консульства. Информация была признана настолько важной, что ночью, в 0.40, начальник Ленинградского УНКВД Медведь телеграфировал об этом наркому внутренних дел Ягоде. Выяснилось также, что летом – осенью 1934 года Николаев неоднократно посещал германское консульство, а потом покупал товары в валютном магазине Торгсин, расплачиваясь немецкими марками. Оказалось, что и жил он не так плохо, как об этом кричал. Например, летом его семья отдыхала в престижном и недешевом Сестрорецке. А деньги вроде бы давала знакомая немецкая семья...

Сам Николаев заявил, что нашел телефон консульства в телефонной книге, позвонил туда, представился украинским писателем и попросил консула связать его с иностранными журналистами, заявив, что есть материал для иностранной прессы. Учитывая, какое это было время (всего несколько месяцев спустя после голода на Украине), приманка была хорошей. Но кто поверит, что ему за эту туфту еще и деньги платили?

В общем, НКВД нащупал «немецкий след». Ну, теперь пойдет дело о шпионаже и международном терроризме!

Ничуть не бывало. Да, следователи отрабатывали связи Николаева с границей – но почему-то лишь по одной линии – контактов с Троцким. Информация попала в международную прессу. Газеты писали о некоем консуле, который осуществлял связь между убийцами и «демоном революции». Консульский совет потребовал объяснений, и советское правительство согласилось назвать совету имя дипломата, которого немедленно выслали. В марте 1938 года, на процессе правотроцкистского блока, его имя было названо и в печати. Им оказался консул Латвии Бисенекс.

Простите, но...

Вот именно – но!

Каким образом германское консульство превратилось в латвийское?

Но и это еще не самое интересное. Убийство Кирова послужило завершением целой серии политических убийств, которые имели место в течение года в Европе. 19 декабря 1933 года был убит румынский премьер Иона Дуки, 15 июля 1934 года – югославский король Александр, 9 октября 1934 года – министр иностранных дел Франции Жан Луи Барту. Киров вполне вписывался в этот ряд. Он был хозяином огромного региона и крупным государственным деятелем.

Все предыдущие убийства тем или иным образом были связаны с фашистами и через них, прямо или косвенно, с Германией. Более того, как утверждает Алла Кирилина, автор книги «Неизвестный Киров», исследователь крайне добросовестный, немецкий консул в день ареста Николаева покинул страну.

Имея такие данные, самым естественным для следствия было связать Николаева именно с нацистской Германией. Ленинградские чекисты так и сделали. Но как только дело попало к москвичам, как немцы тут же превратились в латышей и «немецкий след» испарился.

Почему?

А вот это очень интересно!

«Чекистский след»

...Они так и не поверили, что все совершил один Николаев. Они так и не считали, что дело раскрыто. Об этом говорит то, что происходило при расстреле приговоренных по делу «Ленинградского центра». После XX съезда присутствовавший при казни работник НКВД Кацафа рассказывал, что когда уже были расстреляны тринадцать человек и остался один Котолынов, Агранов и Вышинский спросили у него: «Вас сейчас расстреляют. Скажите, все-таки, правду, кто и как организовал убийство Кирова?»

Но Котолынов и перед лицом смерти ответил, что все они, кроме Николаева, в убийстве не повинны. Скорее всего, так оно и было.

Почему-то принято считать спецслужбы послушным орудием в руке государства. Орудие – да, но орудие одушевленное, которое вполне может иметь собственную волю и вести свою игру.

Роль НКВД в событиях, происходивших в СССР в 30-е годы, не то что недооценивается, а вообще не замечается. Налицо странное предубеждение: ну почему, например, армию сплошь и рядом рассматривают как политическую силу, а органы внутренних дел – практически никогда? Почему автоматически считается, что НКВД выполнял волю Сталина и был послушным орудием в руках правительства? Кто, собственно, такое придумал?

...Сталин с самого начала не очень-то доверял ни ленинградским чекистам, ни Ягоде. Спустя три дня после убийства ленинградских следователей заменила московская следственная группа во главе с заместителем наркома внутренних дел Аграновым. Он же был назначен начальником Ленинградского управления НКВД, а через несколько дней заменен на этом посту Заковским. А контроль над следствием Сталин поручил Ежову, зам. председателя Комиссии партийного контроля. Ягода и его помощники пытались противиться участию Ежова в следствии, тогда Сталин вроде бы позвонил Ягоде и сказал: «Смотрите, морду набьем». Места для дискуссий по этому вопросу не оставалось.

Спустя неделю после завершения дела «Московского центра» состоялся еще один процесс – над двенадцатью руководящими работниками Ленинградского управления НКВД во главе с его начальником Медведем. Судили их за «преступную халатность», за то, что они, имея сведения о готовящемся террористическом акте, не приняли мер к тому, чтобы его предотвратить.

Основания для такого обвинения действительно имелись. Например, множество изданий обошли ссылки на донос психически ненормальной осведомительницы НКВД Волковой, которая вроде бы подслушала, как ленинградские чекисты обсуждали будущее убийство Кирова.

...М. Н. Волкова была секретной сотрудницей НКВД с 1931 года. Как вспоминала работавшая в 1934 году в Ленинградском горкоме партии Д. А. Лазуркина, за месяц до убийства Кирова Волкова сообщила секретарю председателя исполкома, что в доме отдыха слышала разговоры пьяных чекистов о подготовке убийства Кирова. Председатель, вернувшись из командировки, попытался найти Волкову, но оказалось, что она находится в психбольнице. Эта женщина смогла все-таки передать свою информацию по назначению – но только уже правительственной комиссии, после убийства, когда было безнадежно поздно. Кстати, в своем письме она правильно называла фамилии и должности многих чекистов – что является информацией, вообще-то говоря, не каждому доступной.

Впрочем, дама эта вроде бы и вправду была сумасшедшей. Но имеются ведь и свидетельства иного рода.

15 октября 1934 года Николаев был задержан ленинградскими чекистами. В его портфеле нашли пистолет и, что было еще более интересно, записную книжку с маршрутом Кирова. Тем не менее он был отпущен по распоряжению начальника оперативного отдела Ленинградского УНКВД, который, в свою очередь, получил такое указание от заместителя начальника Управления Запорожца⁸. Как хотите, но это уже выходит за рамки простой халатности. Если бы просто пистолет – но еще и маршрут Кирова! А самое интересное – кто такой Николаев, что его отпускают по личному указанию заместителя начальника УНКВД?

Остается добавить, что хотя осужденных чекистов и отправили на Колыму, но не в лагерь, а на работу в руководство Дальстроя. Расстреляны они были в 1937 году.

...Какие-то странные пируэты совершает следствие по «делу Николаева», вы не находите? Руководит им почему-то не чекист, а партконтролер. Информация о посещении Николаевым германского консульства, обнаруженная ленинградскими чекистами, отправлена в Москву лично Медведем лично Ягоде и тихо кем-то куда-то припрятана. А что самое любопытное – так это четкое ощущение фальсификации, возникающее даже при беглом знакомстве с материалами дела.

Самое распространенное объяснение этому – дело «шилось» по указанию Сталина в порядке расправы с оппозицией. Но эта версия, скажем так, несколько нелогична. Все можно было бы сделать куда красивей. Например, пристегнуть «московский центр» к «ленинградскому» и добиться для москвичей расстрельных приговоров – но ведь этого делать не стали! Попросту пришили им некую общую «контрреволюцию» и на этом успокоились. А в Питере московские чекисты развили могучую деятельность именно с целью доказать, что за Николаевым стояла некая террористическая оппозиционная организация, и пристегивали к ней явно случайных, мелких персонажей. А ведь следствие вели очень серьезные люди, заместитель наркома лично проводил допросы.

Эту странность можно объяснить по-разному. В очередной раз спихнуть все на «ужасного» Сталина, перед которым Агранов трепетал до потери речи. Но ведь можно придумать и другое объяснение. Например, что это была деза, предназначенная самому Сталину, – чекисты «переводили стрелки» на случайных оппозиционеров, отвлекая внимание от кого-то важного и значимого.

Возможно, некоторые ответы мы найдем, рассмотрев совсем другое дело. Малоизвестное, нерекламируемое, непопулярное – хотя едва ли можно отыскать лучший пример абсурдности «сталинских репрессий». Тем не менее даже на самом гребне «перестроечной» волны о нем всегда упоминали глухо...

⁸ Эти сведения содержатся в записке П. Н. Поспелова, человека, который готовил материалы для доклада Хрущева на XX съезде, то есть это хоть в какой-то мере официальные материалы. Поспелов, в отличие от Хрущева, излишней фантазией вроде бы не страдал.

Глава 4. Заблудившийся «клубок»

О «кремлевском деле» упоминают мало и неохотно. Хотя странно это, признаться, – ведь что может быть лучшим доказательством абсурдности «сталинского террора», как не арест и осуждение кремлевских уборщиц за какие-то разговоры? Именно так это дело и подавалось долгие годы. Пока господствовало мнение о сталинской паранойе и «стране ужаса», все катило. Но чем дальше, тем более странной казалась эта история, нелепая и нелогичная по любым меркам.

Тем не менее, похоже, что именно в «кремлевском деле» или, как его еще называют, «деле “Клубок”», и лежит ключ к началу репрессий 1937 года (к той их части, которую можно назвать этим словом без кавычек).

Уборщицы-контрреволюционерки и порученцы-террористы

Согласно материалам дела, кремлевские служащие: библиотекари, уборщицы, работники комендатуры и пр. участвовали в заговоре с целью убийства Сталина. Само собой, их действия были увязаны с оппозиционерами, меньшевиками, монархистами, белогвардейцами и пр. «Сам ход и характер следствия... при тщательном изучении не могут не оставить впечатления противоречивости, настойчивого сокрытия чего-то весьма важного, почему “дело” изначально несло черты двойственности, своеобразной эклектики, – пишет историк Юрий Жуков, один из немногих, получивший доступ к материалам дела. – Самым же загадочным остается повод, послуживший для возбуждения “дела”».

Итак, что мы знаем о «кремлевском деле»? В начале 1935 года НКВД, по инициативе Сталина, внезапно занялся проверкой кремлевских служащих на предмет контрреволюционных бесед, намерений и действий.

Все началось с доноса на трех уборщиц, которые вели между собой «контрреволюционные разговоры» примерно такого типа: «Товарищ Сталин хорошо ест, а работает мало. За него люди работают, потому он такой и толстый». «Сталин убил свою жену. Он не русский, а армянин, очень злой и ни на кого не смотрит хорошим взглядом». «Вот товарищ Сталин получает денег много, а нас обманывает, говорит, что он получает 200 рублей... Может, он получает несколько тысяч, да разве узнаешь об этом?» И прочее, тому подобное – обычные разговоры прислуги, «перемывающей косточки» хозяевам.

Начало 1935 года, у НКВД в связи с убийством Кирова дел по горло. Тем не менее девушек допрашивают не кто-нибудь, а лично начальник секретно-политического отдела НКВД Г. А. Молчанов и начальник оперативного отдела К. В. Паукер. Им что, заняться больше нечем?

А дело развивается. В конце января 1935 года с какого-то перепугу, хотя уборщицы о них ни словом не упоминали, арестовывают Б. Н. Розенфельда, племянника Каменева, и А. И. Синелобова, порученца коменданта Кремля. И практически сразу же первый дает показания на отца, Н. Б. Розенфельда, брата Каменева, и на мать (кстати, урожденную княжну Бебутову), работавшую в кремлевской библиотеке. Допросы второго дали основания для ареста помощника коменданта Кремля В. Г. Дорошина, начальника спецохраны и помощника коменданта Кремля И. Е. Павлова, коменданта Большого Кремлевского дворца И. П. Лукьянова и еще нескольких человек.

И покатилося. В деле были выделены группы: уборщиц, библиотекарей, комсостава комендатуры. Все эти люди, правда, уличались всего лишь в том, что вели «антисоветские разговоры» – но согласитесь, что когда в охране и обслуживании правительственной резиденции

в таком массовом порядке и столь увлеченно предаются антиправительственной болтовне, это говорит о том, что в оной резиденции что-то очень и очень не так. Это было бы не так даже в 80-е годы, когда большинство населения было настроено антиправительственно, – а ведь в 30-е годы большинство населения, по меньшей мере городского, было лояльно.

В то время подобные разговоры карались в уголовном порядке. Можно осуждать за это правительство СССР, а можно и не осуждать, тем более что за двадцать лет до того подобная несдерживаемая и ненаказуемая болтовня едва не привела к гибели России (а пятьдесят лет спустя привела к гибели СССР). Как бы то ни было, сие деяние являлось уголовно наказуемым, о чем подследственные не знать не могли.

Однако на этом следствие не успокоилось. Им стали «шить» террористические намерения с целью убийства Сталина. Делали это активно и напористо, не хуже, чем за два месяца до того в Ленинграде, и вполне успели в своем начинании. В начале марта двое – библиотекарки Розенфельд и Муханова – в таких намерениях признались.

В конце концов дело довели до суда, который состоялся 10 июля. Главными фигурантами являлись Л. Б. Каменев, его жена (кстати, сестра Троцкого), его брат и еще 35 арестованных. Это по одним данным. По другим, всего по делу было арестовано 110 человек. 30 из них судила Военная коллегия Верховного суда, остальных – Особое совещание.

Военная коллегия признала доказанным существование четырех террористических групп, в том числе одной «троцкистской». 14 подсудимых не признали себя виновными, 10 признались в том, что слышали «антисоветские высказывания», 6 человек признали себя виновными в «террористических намерениях». Двое подсудимых были приговорены к расстрелу, все остальные – к разным годам заключения и ссылки. В общем, яркая иллюстрация «липового» дела на волне страха перед террором.

Это то, что лежит на поверхности и достаточно широко известно. А теперь то, что известно куда менее широко.

Петерсон: рокировка

Все началось не с доноса на уборщиц, а с письма, полученного Сталиным в начале 1935 года. Писал вождю брат его первой жены А. С. Сванидзе, который был тогда председателем правления Внешторгбанка. Согласно этому письму, комендант Кремля Петерсон совместно с членом президиума и секретарем ЦИК СССР Енукидзе, при поддержке командующего войсками Московского военного округа Корка из-за «полного расхождения со Сталиным по вопросам внутренней и внешней политики» составили заговор с целью отстранения от власти Сталина и его команды. Арест высшего руководства страны должен был осуществить кремлевский гарнизон по приказу Петерсона – у них на квартирах, в кабинете Сталина во время какого-нибудь заседания или же в кинозале на втором этаже Кавалерского корпуса Кремля.

Это уже не измышления сумасшедшей сексотки. От таких предупреждений не отрицаются. Тем более персонажи в центре обрисованной в письме комбинации стояли нешуточные.

Авель Енукидзе вот уже пятнадцать лет являлся секретарем ЦИК СССР, то есть занимал одну из важнейших должностей в государстве (ЦИК был высшим органом страны, одновременно законодательным и исполнительным). Этот человек, готовивший постановления ЦИК, являлся связующим звеном между законной и надзаконной властью Страны Советов, и переоценить его значимость едва ли возможно. Очень крупный был деятель.

Более того, он был связан со Сталиным старой дружбой и почти родственными узами. Оба хорошо знали друг друга еще по дореволюционной работе в Закавказье (кстати, Сванидзе – из той же компании старых закавказских большевиков). Енукидзе был крестным

отцом Надежды Аллилуевой. Просто так от сигнала на подобного человека не отмахнешься, но и напролом не пойдешь.

Что же касается первого имени в записке Сванидзе – то это персонаж еще более интересный. Он был назначен комендантом Кремля 17 апреля 1920 года под грубым нажимом Троцкого, тогда председателя Реввоенсовета, и являлся перед тем начальником бронепоезда Троцкого и начальником его личной охраны. Пожалуй, ближе в то время «демон революции» была лишь его собственная кожа. Между тем никакие чистки Петерсона не коснулись, и в 1935 году он по-прежнему оставался комендантом Кремля, что говорит о полном бардаке в деле охраны правительства. Пусть даже Петерсон ни в каких оппозициях не замечен, однако убрать его с этого поста требовала элементарная осторожность.

Есть и вторая версия того, с чего началось дело «Клубок». По другим данным, менее надежным, в январе 1935 года в кремлевской библиотеке молодая женщина из графского рода Орловых-Павловых стреляла в Сталина (хотя и не попала). Если это так, то становится понятным, почему начали шерстить кремлевскую службу и почему допросами уборщиц занимались высокие чины НКВД.

Впрочем, Енукидзе и Петерсона ни следователи, ни Сталин не трогали, хотя и по разным причинам. О первой поговорим потом, а второй причиной могла быть опять же элементарная осторожность. Правительство в то время жило как на вулкане, жерло которого уже недвусмысленно попыхивало сернистым дымом. Один неверный шаг – и грохнет! Комендант Кремля, почувствовав опасность, мог перейти к активным действиям, а возможности у него были большие.

Поэтому с Петерсоном не спешили, зато поспешили с другим: уже 14 февраля нарком внутренних дел Ягода представил на утверждение Политбюро новую систему охраны Кремля. Само собой, как у нас все и бывает, потребовалось убийство государственного деятеля, чтобы наконец навести в правительственной охране порядок – но убийство дало и предлог для наведения этого порядка. Из ведения комендатуры Кремля выводилась любая хозяйственная деятельность – теперь она занималась только охраной, подчиняясь НКВД по внутренней охране и наркомату обороны по военной охране (до того она подчинялась ЦИК и НКО). Соответственно, охраной теперь ведали два заместителя коменданта. Власть самого Петерсона становилась номинальной.

Впрочем, эта рокировка не имела бы смысла, если бы в Кремле сохранился прежний бардак, при котором по нему гуляли толпы постороннего люда. Поэтому решено было вывести из Кремля многочисленные советские учреждения, где было множество работников и еще больше посетителей. Теперь попасть за кремлевскую стену стало куда труднее.

И, пожалуй, самое главное – с территории убрали Школу имени ВЦИК, которая являлась военным гарнизоном Кремля и насчитывала восемь рот, то есть полторы тысячи человек. Имея внутри Кремля такую силу, устроить государственный переворот было легче легкого. А пока, впредь до вывода школы, для контроля за ней 19 февраля было создано особое отделение – орган военной контрразведки, который напрямую подчинялся наркому внутренних дел Ягоде.

Как видим, Сталин отнесся к письму Сванидзе очень серьезно – серьезней некуда.

Итак, параллельно шли два процесса – «кремлевское дело», которое должно было вычистить оппозиционеров из охраны и службы Кремля, и очень серьезные меры, направленные на то, чтобы нейтрализовать Петерсона и тех его людей, которые по этому делу не проходили.

Впрочем, сам комендант отделался на редкость легко. Комиссия партийного контроля вынесла ему строгий выговор «за отсутствие большевистского руководства подчиненной комендатурой, слабую политико-воспитательную работу среди сотрудников и неудовлетворительный подбор кадров». 9 апреля его освободили от обязанностей коменданта Кремля

и некоторое время спустя назначили помощником коменданта Киевского военного округа Якира по материальному снабжению.

Енукидзе: путь вниз

Авель Енукидзе никогда не был замешан ни в каких оппозициях. Чекисты тоже не давали на него материалов. Тем не менее, по-видимому, что-то там такое было. Дело в том, что кроме собственно следствия, существует еще и осведомление. ВЧК, унаследовавшая свои навыки от царской полиции, была в тайной работе куда сильнее, чем в следовательской. По понятным причинам, показания осведомителей не фигурировали открыто – ни в материалах дел, ни тем более в судебных процессах. И едва ли мы когда-либо узнаем, какой реальный компромат был подложен под следующее постановление ЦИК СССР, опубликованное 3 марта:

«В связи с ходатайством ЦИК ЗСФСР о выдвижении тов. Енукидзе Авеля Сафроновича на пост председателя Центрального исполнительного комитета ЗСФСР, удовлетворить просьбу тов. Енукидзе Авеля Сафроновича об освобождении его от обязанностей секретаря Центрального исполнительного комитета Союза ССР».

Формально Енукидзе возвращался на родину, туда, где начинал свой революционный путь, фактически же это была почетная ссылка под очень хороший надзор. «Хозяином» Закавказья в то время был Берия, молодой руководитель региона, но в свои 35 лет уже старый чекист и убежденный сталинист. Рядом с таким не разгуляешься.

21 марта появилось на свет «Сообщение ЦК ВКП(б) об аппарате ЦИК и тов. Енукидзе». В этом документе, прочитанном по партийным организациям, кратко рассказывалось о «кремлевском деле», а затем говорилось: «Многие из участников и в особенности участниц кремлевских террористических групп... пользовались прямой поддержкой и высоким покровительством тов. Енукидзе. Многих из этих сотрудниц тов. Енукидзе принял на работу и с некоторыми из них сожительствовал».

Однако его по-прежнему никто ни в чем официально не обвинял. Более того, в том же документе говорилось: «Само собой разумеется, что тов. Енукидзе ничего не знал о готовящемся покушении на товарища Сталина, а его использовал классовый враг как человека, потерявшего политическую бдительность, проявившего несвойственную коммунисту тягу к бывшим людям».

Енукидзе ни с чем не спорил, лишь попросил двухмесячный отпуск и уехал в Кисловодск.

О том, что конкретно имелось в виду под «использованием классовым врагом» и «тягой к бывшим людям», пишет в своем дневнике Мария Сванидзе, и портрет, который перед нами предстает, прямо скажем... Тут уже не сплетни уборщиц, эти люди были почти что одной семьей и знали друг друга много лет.

«Авель, несомненно, сидя на такой должности, колоссально влиял на наш быт в течение 17 лет после революции. Будучи сам развратен и сластолюбив – он смрадил все вокруг себя, – ему доставляло наслаждение сводничество, разлад семьи, обольщение девочек. Имея в своих руках все блага жизни, недостижимые для всех... он использовал все это для личных грязных целей, покупая женщин и девушек. Тошно говорить и писать об этом, будучи эротически ненормальным и, очевидно, не стопроцентным мужчиной, он с каждым годом переходил на все более и более юных и наконец докатился до девочек в 9 – 11 лет, развращая их воображение, растлеывая их, если не физически, то морально. Это фундамент всех безобразий, которые вокруг него происходили. Женщины, имеющие подходящих дочерей, владели всем, девочки за ненадобностью подсовывались другим мужчинам... В учреждение набирался штат только по половым признакам... Контрреволюция, которая развилась в его

ведомстве, явилась прямым следствием всех его поступков: стоило ему поставить интересную девочку или женщину, и все можно было около его носа разделять...»

Неудивительно, что, как было сказано в закрытом сообщении ЦК, «действительные мотивы этого перемещения не могли быть объявлены официально в печати, поскольку опубликование могло дискредитировать высший орган советской власти».

Перспектива оказаться «под крылышком» Берии Енукидзе не радовала до такой степени, что он предпочел отказаться от новой должности. 8 мая он попросил освободить его от обязанностей председателя ЗакЦИКа и назначить уполномоченным ЦИК по курорту, на котором пребывал. Едва Политбюро получило письмо, как в тот же день удовлетворило просьбу.

Но и это было еще не все. Получив новое назначение, Енукидзе вернулся в Москву для участия в Пленуме ЦК. На этом пленуме председатель Комиссии партийного контроля Ежов делал доклад о «кремлевском деле» и об использовании заговорщиками Енукидзе. Трудно сказать, кто тут кому морочил голову: чекисты ли Ежову, Ежов ли всем остальным, но заговор предстал мощным, разветвленным и выходящим далеко за пределы Кремля. Тем не менее о Петерсоне там не упоминалось вовсе, а о Енукидзе – очень мало: лишь то, что часть своих планов заговорщики строили на использовании личных связей с Авелем Сафроновичем.

Пропесочили Енукидзе на пленуме основательно и в результате вывели из состава ЦК и исключили из партии «за политико-бытовое разложение». Кстати, через год он, с санкции Политбюро, в партии восстановился...

Дело закончилось судом, который состоялся 27 июля. Ягода требовал самых суровых приговоров, в частности, предлагал расстрелять 25 человек. Однако Военная коллегия Верховного суда вынесла смертные приговоры лишь двоим из 30 подсудимых, остальных приговорили к тюремному заключению. Особое совещание НКВД отправило в тюрьму на срок от трех до пяти лет 42 человека, приговорило к ссылке 37 человек и одного – к высылке из Москвы.

Несколько раньше была проведена чистка работников Кремля. Из 107 человек на своих местах остались лишь девять.

И как ни крути, с какой стороны ни подходи – дело это странное. Началось оно с доноса на Енукидзе и Петерсона – и именно эти персонажи вышли сухими из воды. Следователи к ним даже не подбирались, а весь свой пыл потратили на уборщиц и библиотекарей.

Очередь главных фигурантов подошла только через два года. В 1937 году Енукидзе и Петерсон были арестованы: первый – 11 февраля в Харькове, второй – 27 апреля в Киеве. Оба сразу же, в день ареста, дали признательные показания – то есть до того, как их, даже гипотетически, могли начать мало-мальски серьезно бить. Показания были одинаковыми вплоть до деталей. Они рассказали о том, что готовили переворот и арест либо убийство государственной верхушки – Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и Орджоникидзе. Так завершилось дело «Клубок».

Часть 2. Наследники декабристов

И вот вопрос – а могла ли такая деятельность обойтись без военных?

«Конечно, могла! – отвечает официальная история. – Военный не способен участвовать в заговоре. Военный связан присягой и свято ее соблюдает».

«Ну-ну...» – качают головами поднявшиеся из недр российской истории кровавые тени императоров: Петра Третьего, Павла Первого, Николая Второго.

«Ну-ну!» – усмехается Николай Первый, откладывая в сторону бумаги, повествующие о заговоре декабристов.

«О, по!» – повторяют теснящиеся в отдалении призраки королей, свергнутых и убитых собственными гвардейцами.

«Доннерветтер!» – комментирует Гитлер, разглядывая то, что осталось от его штаба после взрыва, устроенного полковником Штауффенбергом.

«Ну, хорошо! – отступает на шаг отечественная история. Эти все могли. А Тухачевский – не мог!»

Не мог? А почему, собственно?

Здесь аргументация дает трещину. Конечно, то, что Тухачевский невиновен – это все знают. Однако «все знают» – аргумент, конечно, эффектный, но не абсолютный. То, что все фигуранты «заговора генералов» реабилитированы, в свете нынешнего правового беспредела тоже не убеждает.

Но ответ все же существует и неоднократно приводится везде – в исторических трудах, статьях в СМИ, в блогах и на форумах. Великолепный, классический ответ блондинки:

«А потому!»

Глава 5. Поручик Голицын в Красной России

*Есть такая работа – Родину защищать.
Из фильма «Офицеры»*

...Взять власть в октябре 1917 года было нетрудно. Удержать ее после октября – невысказано. Поначалу никто и не думал, что большевики продержатся долго. Девять из десяти – они и сами так не думали. Абсолютно неопытное, сверхдилетантское правительство во взбаламученной до дна стране. Правительство, до такой степени ни за что не отвечавшее, что посмело выкинуть сверхгениальные лозунги. «Чего вы хотите? Земли? Мира? Так берите!» После этого любой успех белых отзывался по стране стоном: «Придут бары, снова на шею сядут! На фронт погонят!!! Землю отберут!!!» Никаким политическим путем сбросить красных после такого было невозможно. Оставалось одно – прийти и усмирить, утопив страну в крови. И не надо думать, что те, кто был выброшен за борт революцией, остановились бы перед этим. Ибо движущие силы были мощнейшие.

Нет, многого верхушка Российской империи, развязавшая в стране февральскую демократическую смуту, могла ожидать, но не такого – что все кончится классовым подходом, при котором она вся, в одночасье, лишится всего – собственности, положения, даже элементарного уважения, даже избирательных прав... даже продовольственных карточек! Вчерашние бары по общественному положению оказались ниже вчерашних полумоек. Можете себе представить, какой силы ненависть была у этой верхушки к «торжествующему хаму» и «жидам-комиссарам»? Ради того, чтобы вернуть свое, они пошли бы на все. Тем более что, говоря умными словами, геополитическое положение России заставляло каждую минуту ее государственного существования думать об обороне от милых соседей, и стоило государству чуть-чуть ослабнуть, как начиналось: шведы в Пскове, поляки под Смоленском, англичане в Баку, японцы во Владивостоке, немцы на Украине...

Европа – не то место, где можно отвлечься на зализывание ран. Сожрут-с!.. Тем более что армии у Советской России в первые полгода ее существования не было – вообще никакой.

И сожрали бы – однако тут большевикам попросту повезло. В восемнадцатом году, если бы кто-нибудь взялся за Советскую Россию всерьез, ее раздавили бы мгновенно. Но окружающие европейские хищники еще целый год занимались собственной кровавой сварой. Ни у кого не было особого желания снимать войска с фронта приличной цивилизованной войны и отправлять в Россию, которая к тому времени стала диким полем, где носились из конца в конец вооруженные банды, а озверевшее население встречало в топоры любого чужака. И это еще вопрос, как повлиял на судьбу Германии вроде бы выгоднейший для нее Брестский мир, по которому она получила неограниченный доступ на огромный кусок российской территории. Получила, да – а потом вынуждена была вводить туда до зарезу необходимые ей войска, чтобы обеспечить хоть какой-то порядок.

Так что в начале 1918 года против красных банд (назвать эти отряды иначе язык не поворачивается) выступали точно такие же белые банды, так же плохо вооруженные и такие же неуправляемые. Отличались они друг от друга в основном тем, что у красных были ленточки на шапках, а белые рисовали себе на плечах погоны. Нормальной воинской частью являлась лишь двухтысячная армия генерала Корнилова, но она была исключением. Не имея сильного врага, Советы получили передышку, позволявшую им создать хоть какую-то армию.

Товарищ Троцкий и его военспецы

25 октября 1917 года русская армия и пальцем не шевельнула, чтобы спасти заседавшее в Зимнем так называемое «правительство». Пусть оно ничем уже не управляло, кроме дворцовых лакеев, но оно было вроде как бы законным. Впрочем, военных легко понять, если представить себе, как российские офицеры должны были это правительство ненавидеть! Пришедшие к власти «демократы» всех мастей развалили все, что только можно было развалить, в том числе и армию. Да, разваливали армию Советы и солдатские комитеты, но правительство на то и правительство, чтобы подобным инициативам противостоять. А господа из Зимнего вместо наведения порядка провели политическую чистку, принявшись убирать монархически настроенных офицеров. Самое, надо сказать, время!

К октябрю 1917 года армии как таковой уже не существовало – на ее месте колыхалась некая полуоформленная структура, которая хотела – подчинялась офицерам, не хотела – не подчинялась. И эту разваливающуюся на ходу машину по-прежнему бросали в пекло боев, в которых она, естественно, терпела поражение за поражением.

Так что когда на место Временного правительства пришли большевики, все оказалось далеко не так однозначно, как пытаются сейчас представить певцы Белого движения.

Поначалу большевики были полны совершенно розовых иллюзий. Первым народным комиссаром по военным делам стал Подвойский – революционер с семинарским образованием, который военной службы и не нюхал. Вместе с Лениным они принялись делать в армии «революцию». 16 декабря 1917 года были опубликованы декреты: «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии». Власть передавалась солдатским комитетам, командиры стали выборными, прежних офицеров ссылали в кухню и на конюшню. Армия окончательно перестала существовать, осталась масса, которая все еще сидела в окопах и потребляла определенное количество продовольствия. Впрочем, она таяла на глазах, солдатики бросали фронт и разбегались по домам, что немало радовало интендантов.

Однако при том, что новое правительство по опыту управления было не лучше старого, у него все же имелось одно серьезное отличие от прежнего. «Временные» так ничего и не поняли и ничему не научились. Новая же власть умнела прямо на глазах. И неудивительно: министры Временного правительства в случае неудачи рисковали разве что отставкой, а над этими болталась петля.

Начав с роспуска армии и прекращения выпуска оружия и боеприпасов, они очень быстро сообразили, что дела плохи и надо, чтобы новую власть тоже кто-то защищал. Уже 26 декабря Подвойский представил план создания новой армии, пока что трехсоттысячной. Напомним то, что сейчас прочно забыто: большевики не собирались воевать ни с кем – ни с немцами, ни тем более с собственным народом. В декабре 1917 года речь шла об армии мирного времени. 15 января 1918 года Совнарком принял декрет о создании РККА. Ленин подписал этот декрет 28 января.

Первоначально армия предполагалась добровольческой. Принимали в нее не вольным набором, а по рекомендации партийных, советских или профсоюзных органов. Бойцам, кроме полного государственного обеспечения, предполагалось платить по 50 рублей в месяц. Много это или мало? А кто его знает! Полное обеспечение в то время было куда важнее...

Впрочем, коммунарские иллюзии горели одна за другой. 4 марта 1918 года Ленин подписал постановление о создании Высшего военного совета. Военным руководителем этого органа назначили М. Д. Бонч-Бруевича, который являлся «фигурой компромисса» между делом и революцией: с одной стороны, генерал с опытом штабной работы, с другой – брат известного большевика. Первое, что предложил Бонч-Бруевич, – отменить добровольческий

принцип формирования армии, отменить выборность командиров и коллегиальное управление войсками, ввести единоначалие. Таков был конец демократии в армии, больше о ней не заикались, хотя сами вооруженные силы молодой республики пришлось «нормализовывать» еще очень долго, отучая от усвоенных за год торжествующей демократии привычек. А 13 марта наркомом по военным и морским делам был назначен Троцкий, а вместо Высшего военного совета появился Революционный военный совет республики, Реввоенсовет, РВС.

Назначить военным министром Троцкого – это был далеко не самый худший выбор. Могло быть и хуже. Правда, служить в армии Льву Давидовичу не приходилось, но в 1912–1913 годах он побывал военным корреспондентом на Балканах. Журналист Троцкий на должности военного министра был все же предпочтительнее прапорщика Крыленко в роли главнокомандующего, ибо любому прапорщику хочется поиграть в генералы, а любой более-менее толковый журналист отлично понимает разницу между собой и специалистом. И, паче всяких ожиданий, Троцкий справился. В мае 1918 года Рабоче-крестьянская Красная Армия (РККА) насчитывала 300 тысяч бойцов, осенью ее численность дошла до миллиона, а к концу Гражданской войны это была уже армия, по численности соответствующая стране, – пять с половиной миллионов человек.

Начав все с той же идеи создания Добровольческой армии, Троцкий практически сразу от нее отказался – набрать нужное количество добровольцев было невысказано. Уже 19 мая 1918 года ВЦИК принял постановление о всеобщей мобилизации. Но проблема была не только в рядовых, а и в командирах, и здесь все оказалось куда сложнее. Ленин по-прежнему предавался мечтам о «классовой» армии. Даже осенью 1918 года, когда Сталин с Троцким уже полгода как препирались из-за «военспецов», он все еще говорил: «Теперь, строя новую армию, мы должны брать командиров только из народа. Только красные офицеры будут иметь среди солдат авторитет и сумеют упрочить в нашей армии социализм». А вы думаете, зря его прозвали «кремлевским мечтателем»?

Все бы ничего, но к тому времени жизнь уже показала, во что превращается Добровольческая армия с выборными командирами из народа. 24 сентября 1918 года член Реввоенсовета 1-й армии С. П. Медведев писал Ленину: «Я убедился, что у нас есть толпы вооруженных людей, а не крепкие воинские части... Во всех этих вооруженных толпах не проявлялось никакого понятия о дисциплине, о подчинении командному составу во время операций. Сам же командный состав оказался настолько слабым, безвольным, терроризированным негодными элементами части, что не он командовал частями, а его части тянули, куда хотели...»

Части нашей Красной Армии формировались в различных местах и совершенно по-разному. Большая часть из них состояла из добровольцев. Никакой военной выучке они не подвергались, и поэтому слишком трудно совершать с ними военные операции. Они могут совершить партизанский набег, но чуть только попадут под военный, а не партизанский огонь – они обнаруживают всю слабость свою и панически бегут от жалкой горстки опытного противника».

Воевать постепенно учились, что же касается дисциплины – то чего-то приемлемого в этом отношении удалось достичь лишь к началу 30-х годов. Если же говорить об этике, о морали... то не было в этой войне ни этики, ни морали, ни милосердия. Об этом писал в своем дневнике Исаак Бабель, который был в польском походе с Первой Конной армией Буденного – право же, не самой худшей воинской частью РККА.

«Страшное поле, усеянное порубленными, нечеловеческая жестокость, невероятные раны, проломленные черепа, молодые белые нагие тела сверкают на солнце...»

Стало быть, после боя раненых добивали, мертвых раздевали – одежда еще пригодится...

«История – как польский полк четыре раза клал оружие и защищался вновь, когда его начинали рубить».

Это к вопросу о том, почему в 1920 году так отчаянно сопротивлялись поляки...

Житомир. «Полки вошли в город на три дня, еврейский погром, резали бороды, это обычно, собрали на рынке сорок пять евреев, отвели в помещение скотобойни, истязания, резали языки, вопли на всю площадь. Пожгли шесть домов, дом Конюховского на Кафедральной – осматриваю, кто спасал – из пулеметов, дворника, на руки которому мать сбросила из горящего окна младенца, – прикололи, ксендз приставил к задней стене лестницу, таким способом спасались...»

Сокаль. «Сапожник, сокальский сапожник, пролетарий. Сапожник ждал Советскую власть – он видит жидоедов и грабителей, не будет заработку, он потрясен и смотрит недоверчиво...

Лавчонки все открыты, мел и смола, солдаты рыщут, ругают жидов, шлятся без толку, заходят в квартиры, залезают под стойки, жадные глаза, дрожащие руки, необыкновенная армия. Организованное ограбление писчебумажной лавки, хозяин в слезах, все рвут... Ночью будет грабеж города – это все знают».

Здесь комментарии излишни...

И как символ Гражданской войны: «Все бойцы – бархатные фуражки, изнасилования, чубы, бои, революция и сифилис».

Когда мы говорим об офицерах и чекистах 30-х годов, надо помнить: они родом – отсюда. Бархатные фуражки, изнасилования, бои, революция и сифилис...

...С самого начала бывший военный журналист подошел к делу прагматически и принялся строить армию с опорой на профессионалов, царских офицеров. Это противоречило «классовому» подходу – а куда денешься!

Забегая вперед, надо сказать, что это его решение на каждом шагу отзывалось скандалами. «Военспецы» плохо уживались с партийным окружением и, что хуже всего, обнаруживали неистребимую склонность к саботажу и предательству. Сам же Троцкий в свое время говорил: «У нас ссылаются нередко на измены и перебеги лиц командного состава в неприятельский лагерь. Таких перебегов было немало, главным образом со стороны офицеров, занимавших более видные посты. Но у нас редко пишут о том, сколько загублено целых полков из-за боевой неподготовленности командного состава... И если спросить, что причинило нам до сих пор больше вреда: измена бывших кадровых офицеров или неподготовленность многих новых командиров, то я лично затруднился бы дать на это ответ».

Тем не менее он упорно продавливал свой принцип опоры на профессионалов – и продавил! Переломным стал день 23 ноября 1918 года, когда появился приказ Реввоенсовета о мобилизации бывших офицеров. По одним данным, в Красной Армии в Гражданскую войну служило пятьдесят тысяч офицеров царской армии, по другим – семьдесят пять тысяч, в том числе более шестисот бывших офицеров Генерального штаба. Кадровыми офицерами являлись семнадцать из двадцати командующих фронтами, восемьдесят два из ста командующих армиями. А начальниками штабов практически везде были полковники и генералы царской выучки.

...Первые офицеры, служившие в Красной Армии, пошли туда добровольно. Тут надо понимать еще один момент. Сейчас расклад сил после октября 1917 года усиленно стараются представить следующим образом: новая власть большевиков против старой царской России, или же «России, которую мы потеряли». В том, чтобы вбить в голову наших людей такое представление, постарались все: и коммунисты, и демократы, каждый по своим причинам.

Однако на самом деле это было совершенно не так! Потому что и те, и другие почти всегда упускают из виду, считают «промежуточным» период с февраля по октябрь 1917 года.

Да, этот период был коротким. Но совсем не промежуточным, отнюдь, а очень и очень важным. Настолько важным, что без него вообще ничего не понять!

На самом деле в то время новую Россию представляли не большевики, а Временное правительство. Именно оно противопоставлялось «старой», царской власти. А большевики были «фактором X», некоей силой, которая захватила власть в стране, но сама по себе совершенно неизвестно, что представляет. Поэтому логично было бы видеть в ней – и многие именно так ее и воспринимали! – как раз силу, противную новой России. У большевиков была совершенно другая идеология, совершенно иные устои, чем у властей Российской империи, но это была, во-первых, власть, а не кучка болтунов, а во-вторых, власть центральная. И как только стало ясно, что большевики намереваются сохранить страну, многие патристически настроенные офицеры пошли к ним на службу.

Очень четко выразил это помощник военного руководителя Высшего Военного совета генерал-майор С. Г. Лукирский. Уже в 1930 году он говорил: «Накануне революции февральской 1917 года в среде офицеров старой армии определенно сложилось недовольство монархическим строем... Поэтому февральская революция была встречена сочувственно в основной массе всего офицерства вообще. Однако вскоре наступило разочарование и в новой власти в лице временного правительства: волнения в стране даже обострились; ряд мероприятий правительства в сторону армии (в том числе подрывающие престиж офицеров) быстро ее развалили; личность А. Керенского не возбуждала доверия и порождала антипатию...

Наступившая октябрьская революция внесла некоторую неожиданность и резко поставила перед нами вопрос, что делать: броситься в политическую авантюру, не имевшую под собой почвы, или удержать армию от развала как орудие целостности страны. Принято было решение идти временно с большевиками. Момент был очень острый, опасный: решение должно было быть безотлагательным, и мы остановились на решении: армию сохранить во что бы то ни стало. Поэтому крупнейшая часть офицерства перешла к сотрудничеству с большевиками, хотя и не уясняла еще в полной мере программу коммунистической партии и ее идеологию. Патриотизм явился одним из крупных побуждений к продолжению работы на своих местах и при этой новой власти».

После октября 1917 года офицерство раскололось. Другой высокопоставленный сотрудник Полевого штаба РВСР (так в сентябре 1918 года был назван штаб ВВС), К. И. Бесядовский, говорил: «Надо сказать, что поступление в Высший Военный Совет на службу к “большевикам” было сделано не без трудных внутренних переживаний: большинство офицеров... отворачивались от нас – добровольцев. Я же считаю, что в сложившейся обстановке, когда немцы хозяйничали в наших пределах, нельзя оставаться посторонним зрителем, и потому стал на работу».

К середине июня 1918 года в Красной Армии насчитывалось уже 9 тысяч офицеров-добровольцев.

Раскол шел почти посередине. Из 250 тысяч офицеров царской армии около трети попало к большевикам, около 40 % – к белым, остальные не примкнули ни к одной стороне – уходили за границу или, сняв форму, оставались в красной России, устраивались в ней, как могли.

Тут надо понимать еще одну вещь: противостояние красной и белой армий отнюдь не было противостоянием большевиков и монархистов. Как раз наоборот: исходя из вышеприведенных соображений, именно монархистам-государственникам было по дороге с большевиками, которые, кем бы они ни были, являлись все же властью центральной и стремились сохранить страну. И недаром в 1930 году, когда органы ГПУ распутывали дело «Весна» и в этой связи шерстили старых офицеров, те сплошь и рядом заявляли о себе именно как о монархистах по убеждению.

А вот в белой армии имелось всякой твари по паре. Например, деникинская пропаганда являлась в основном демократической, и получалось, что белые выступали как раз от имени этой самой «новой России», которую офицеры ненавидели с той же страстью, что и «красных хамов». И все они жили и воевали на иностранные деньги, которые, в случае победы, надо было отдавать — а после того, как русская армия три года воевала неизвестно за чьи интересы, иностранцев в ней тоже не очень-то жаловали...

Оставшиеся на «красной» стороне все это прекрасно видели и понимали. Об этом говорит тот же Лукирский: «...Победа белогвардейцев несла с собою вторжение иноземцев, деление России на части и угрожала закабалением нашей страны иностранцами. На стороне белогвардейцев не видели и базы, обеспечивавшей им симпатии народных масс».

О том, каким образом белая армия собиралась отдавать долги своим заграничным кураторам, говорит тайный договор между бароном Врангелем и его французскими союзниками, опубликованный в английской газете «Дейли Геральд» 30 августа 1920 года. В случае победы Врангель признавал все старые и новые долги России и ее городов и должен был уплатить их, исходя из 6,5 % годовых, что по тем временам являлось совершенно грабительским процентом. Погашение долга вместе с процентами гарантировалось:

«а) Передачей Франции права эксплуатации всех железных дорог Европейской России на известный срок; б) передачей Франции права взимания таможенных и портовых пошлин во всех портах Черного и Азовского морей; в) предоставлением в распоряжение Франции излишка хлеба на Украине и в Кубанской области в течение известного количества лет, причем за исходную точку берется довоенный экспорт⁹; г) предоставлением в распоряжение Франции трех четвертей добычи нефти и бензина на известный срок, причем в основание кладется добыча военного времени; д) передачей четвертой части добычи угля в Донецком районе в течение известного количества лет». Кроме того, для контроля «при русских министерствах финансов учреждаются официальные французские финансовые и коммерческие канцелярии, права которых должны быть установлены специальным договором»¹⁰.

А еще говорят, что большевики страну распродавали. Куда им до этих...

...Если говорить совсем уж просто и грубо, то за белыми стояла верхушка российского общества, которая пыталась на иностранные деньги вернуть себе имения, заводы и всю свою прежнюю красивую жизнь. Любой ценой, даже если за это придется отдать половину России. А верхушка российского общества в начале XX века была невыразимо отвратительна. Некоторое количество идеалистов, одержимых «белой идеей», ничего тут не меняли. И стоит ли удивляться, что к концу Гражданской войны среди офицеров Красной Армии насчитывалось около четырнадцати тысяч белогвардейцев-перебежчиков?

В целом настроения тех офицеров, которые служили большевикам из принципа (были и другие), выразил Деникин в своих «Очерках русской смуты». Высказывание, которое он приводит, приписывается Тухачевскому: «Социалистов, кричащих об Учредительном собрании, мы ненавидим не меньше, чем их ненавидят большевики. Мы не можем бить их самостоятельно, мы будем их уничтожать, помогая большевикам. А там, если судьбе будет угодно, мы и с большевиками рассчитаемся».

...Все, конечно, решалось индивидуально, иной раз настолько на примитивно-бытовом уровне... Кому-то нахамили при проверке документов, обозвали в лавке, глаза устали от постоянного лицезрения «торжествующего хама», и он подался к белым. Другой, поставленный в те же условия, пожал плечами — ну что поделаешь! — и вернулся к работе. А третий был полон лютой ненависти к мужикам, разорившим родовое имение. А четвертый стремился

⁹ Советский экспорт зерна велся с учетом урожая. Эти бы выгребали все, вне зависимости от возможного голода.

¹⁰ Цит. по: Пыхалов И. Великая оболганная война. М., 2005. С. 15–16.

сделать карьеру и считал, что у красных это проще. Одни из мобилизованных служили из простой лояльности, другие – опасаясь за семьи. Кто-то стоял за Россию как патриот, а кто-то – за армию как профессиональный военный. Эти последние настроения лучше всех выразил знаменитый генерал Брусилов: «Я, как с малых лет военный, за эти годы страдал развалом армии, надеялся опять восстановить ее на началах строгой дисциплины, пользуясь красно-армейскими формированиями. Я не допускал мысли, что большевизм долго продержится. В этом я ошибся, но я ли один? ...Убежден, что многие, помогавшие Троцкому воссоздать русскую армию, хотя бы она и называлась “Красной”, думали так же, как я».

Разные бывали офицеры, совершенно разные, и судьбы у них были разными. Чего стоит один подполковник Муравьев! Крестьянин по происхождению, боевой офицер, левый эсер по партийной принадлежности, он 4 февраля 1918 года, перед штурмом Киева, отдал приказ: «Войскам обеих армий приказываю беспощадно уничтожить в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и врагов революции». Но это было только начало. Назначенный командующим Восточным фронтом (!), Муравьев, находясь в Симбирске, 10 июля 1918 года заявил, что прекращает борьбу с чехословаками, разрывает Брестский мир и объявляет войну Германии. По счастью, тогдашние власти комплексами приличия не страдали и, вызвав на переговоры, Муравьева попросту шлепнули. Бывали и такие офицеры...

А с другой стороны, возьмем того же царского полковника Шапошникова. Раз присягнув советской власти, он всю жизнь оставался непоколебимо лояльным, и, несмотря на происхождение и послужной список, никакие репрессии его не коснулись. Шапошников дослужился до очень больших высот, три раза был начальником Генерального штаба. В последний раз он сменил на этом посту Жукова в 1941 году, после июньского разгрома советской армии, и оставался на нем практически до смерти. Тоже офицер, и даже почти в том же чине...

...Нельзя сказать, что им было легко служить. Но, с другой стороны, нелегко было и с ними. Фурманов, чапаевский комиссар, писал: «Спеццы – полезный народ, но в то же время народ опасный и препотешный. Это какое-то особое племя – совершенно особое, ни на кого не похожее. Это могикане. Больше таких Россия не наживет: их растила нагайка, безделье и паркет». Конфликт «господ» и «хамов» стоял в Красной Армии остро – а куда денешься?

Впрочем, вопросы межличностных отношений худо-бедно, но как-то решались. Хуже оказалось то, что «военспецам» элементарно нельзя было доверять. Они сплошь и рядом переходили из армии в армию, и порой не по одному разу. Если убежит к белым командир взвода или эскадрона – это, конечно, неприятно, но пережить можно. Если командующий или начальник штаба дивизии или армии – это уже беда немаленькая. Если же не перейдет открыто, а начнет работать на белых – такие случаи тоже бывали – то это настоящая катастрофа.

Власти обеспечивали их верность, как могли. Для надзора за старыми спецами был введен институт комиссаров. А вы думали, что комиссары должны были следить за «политической благонадежностью» командиров? Ага, делать им было больше нечего! Политграмотой он занимался с рядовым составом, а что касалось командного, то комиссар должен был следить, чтобы вверенные его попечению командиры не установили связей с белыми, не участвовали в разного рода заговорах, не дезертировали и не перебежали к противнику. А кто виноват, если без надзирателей было не обойтись? Есть такая наука арифметика: так вот – из восемнадцати начальников объединений РККА (весьма крупная должность) в 1918 году восемь бежали к белым или были расстреляны, трое в 1919 году, с началом собственно Гражданской войны, оставили службу в войсках, и лишь семь человек в конечном итоге остались в Красной Армии.

Тот же Бесядовский вспоминал: «Нелегка была и непривычная обстановка работы: тебе не доверяют, комиссар ходит по твоим пятам, следя за каждым твоим шагом. “Комиссар – это есть дуло револьвера, приставленное к виску командира” – так определил взаимоотно-

ношения командира и комиссара один из моих комиссаров. Партийная среда держалась от нас в стороне (партийцы почти сплошь были комиссарами), и мы, остальная масса, чувствовали себя бесправными... Ясно, что все эти черты нашего быта, службы не могли вызывать удовольствия... Коммунистические идеи были нам чужды, в марксизме мы не разбирались...»

А с другой стороны, как иначе, если в Постановлении ВЦИК от 29 июля 1918 года говорилось: «За побег или измену командующего комиссары должны подвергаться самой суровой каре, вплоть до расстрела»?

Никто не спорит, 1917 год поставил офицеров перед жестоким выбором. Но и само время было жестокое. Впрочем, сплошь и рядом офицеры сражались не из-за каких-то убеждений, а просто потому, что судьба поставила их по ту или иную сторону баррикады. Когда в 1922 году проходила проверка политической грамотности командного состава Западного фронта, уже командиры на уровне батальонов довольно слабо понимали, что такое советская власть. Как анекдот, рассказывали о командире роты, который на вопрос, чем отличаются красные от белых, ответил, что белые носят погоны, а красные – нарукавные знаки. При этом товарищ сначала послужил у Колчака, потом у Советов, и так и не понял, у кого и за что боролся. И это те, которые прошли всю войну. Что же было в 1918-м?

Опять же, Тухачевскому приписывают слова: «Я – беспечный ландскнехт¹¹».

«Помните ландскнехтов? – говорил он еще в 1914 году. – Дрались они, где и когда возможно за тех, кто их нанимает, и главное, не для каких-то высоких идей, а для себя, чтобы взять от войны все, что она может дать!»

И надо понимать еще одну вещь, без которой мы никогда не осознаем того, что было дальше: в любом обществе офицеры – это каста. Правительства всегда борются с этим, и всегда безуспешно. А если, паче чаяния, удастся, то такая армия почему-то начинает стремительно разлагаться (пример – советская армия образца позднего социализма).

Еще и поэтому они с такой легкостью переходили из армии в армию, что зачастую коллеги по ту сторону фронта были им ближе, чем собственное начальство. И как в 1917-м, так и в 1937 году были такие – и немало, для которых присяга значила меньше, чем офицерская солидарность.

Публицист Ф. Степун так писал об обстановке в среде военспецов: «Слушали и возражали в объективно-стратегическом стиле, но по глазам и за глазами у всех бегали какие-то странные, огненно-загадочные вопросы, в которых перекликалось и перемигивалось все – лютая ненависть к большевикам с острой завистью к успехам наступающих добровольцев; желание победы своей, оставшейся в России офицерской группе над офицерами Деникина и явным отвращением к мысли, что победа своей группы будет и победой совсем не своей Красной Армии; боязнь развязки – с твердой верою: ничего не будет, что ни говори, наступают свои».

Впрочем, по мере озверения обеих воюющих сторон становилось ясно, что будет, и еще как! Практика была такой. Возьмут белые красную часть, солдатам меняют звездочки на кокарды, командиров – к стенке или в петлю. Возьмут красные белую часть – то же самое. С генералами поступали мягче, но все же среди убитых белыми можно назвать начальника Главного штаба командования Красной Армии в Сибири бывшего генерал-лейтенанта Таубе, генерал-майора Николаева, повешенного в Ямбурге. Они могли спасти жизнь, перейдя на службу к белым, – но не захотели. Другие захотели и остались живы.

В конце концов из этих семидесяти пяти тысяч выкристаллизовались те, кто, наравне с «новыми» командирами, составил ядро Красной Армии.

¹¹ Ландскнехтами в эпоху Возрождения называли наемных солдат.

В десять раз

...Гражданская война заканчивалась. Еще шли последние бои, а правительство уже задумывалось о демобилизации. Армию в пять с половиной миллионов человек предполагалось сократить сперва до миллиона, потом до 500 тысяч – в одиннадцать раз!

Красноармейцы разошлись по домам или же кто куда, дав, кроме прочего, колоссальный всплеск уровня преступности, который традиционно связывают с нэпом. Логичнее было бы связать его с демобилизацией. Но, как бы то ни было, рядовые красноармейцы в жизни не пропали, вернулись к своим мирным профессиям. Надо полагать, с большим удовольствием демобилизовались и многие офицеры военного времени, которые имели гражданские специальности. И все равно командиров оставалось слишком много. Между ними развернулась жесточайшая борьба за место в оставшейся крохотной армии мирного времени, в военных училищах и академиях. Борьба, в которой стороны не стеснялись в средствах.

Нетрудно догадаться и об аргументах в этом споре за места. Еще в 1919 году любимец Троцкого, тогда командующий 5-й армией Восточного фронта Тухачевский (тот самый) подготовил для Политбюро доклад «Об использовании военных специалистов и выдвижении коммунистического командного состава». Всех «военспецов» он подразделяет на старое и «скороспелое» офицерство. Ничего нового тут нет, это разделение известно во всех армиях мира: «старые» – это кадровые, обученные офицеры, «скороспелые» – офицеры военного времени, прошедшие ускоренные курсы или произведенные непосредственно из нижних чинов. Но посмотрите, аргументация-то какова!

«Для того, чтобы понимать характер и формы гражданской войны, необходимо сознавать причины и сущность этой войны. Наше старое офицерство, совершенно незнакомое с основами марксизма, никак не может и не хочет понять классовой борьбы и необходимости диктатуры пролетариата. Поэтому генералам совершенно непонятны условия комплектования армии родственными классами при наступлении, условия обеспечения тылов в зависимости от классовой группировки населения, непонятна зависимость между шириной фронта армии и ходом общей классовой борьбы...» И далее: «При таком уровне развития офицерства в политическом отношении ему, конечно, трудно понять основы гражданской войны, а, как следствие того, и вытекающие из них оперативные формы...»

О склонности товарища Тухачевского к дешевой демагогии, а также о его специфическом чувстве юмора мы поговорим чуть позже. Здесь важно другое: еще в девятнадцатом году он четко наметил линию будущего противостояния. Пока шла война, без этих непродвинутых в классовом отношении военспецов почему-то получалось плохо. Самого «великого стратега» время от времени весьма чувствительно били, поскольку противник о великой роли классовой теории в ведении войны, по-видимому, не знал и воевал не как надо, а как лучше.

В армейских «низах» это противостояние доходило уже до полного неприличия. В справке ГПУ по Западному фронту говорится: «Комсостав в своей среде сохранил старые привычки и замашки и третирует краскомов как лишний для армии элемент... В 27 дивизии создались две группировки – офицерская и краскомовская; среди краскомов была даже тенденция убить одного из старых офицеров; атмосфера была разряжена после переброски части комсостава в другие места. В бронебригаде Запфронта офицерский состав всячески выживает младший комсостав, краскомов и членов РКП(б)».

Впрочем, «новые» командиры успешно перенимали от «старых» и некоторые особенности прежней армии. Читаем ту же справку: «Случаи проявления грубости комсостава в обращении с красноармейцами, эксплуатация красноармейцев, использование их в качестве денщиков довольно распространены... Грубость комсостава в 3 пехотной запасной школе

вызвала сильное возбуждение курсантов, и только благодаря умелому подходу политсостава удалось избежать эксцессов. В продбазе ВХУ Запфронта начбазы и военком¹² требуют от красноармейцев и служащих стоять на вытяжку и отвечать: “так точно” и “никак нет”. В бронеполку Запфронта красноармейцы одного дивизиона объявили голодовку вследствие грубости комсостава... Отмечено много случаев использования красноармейцев в качестве денщиков, нянек, поломоев и т. п...»

И конечно же, все время, от одной части к другой, неизменное: «Пьянство комсостава сильно распространено... В частях Запфронта пьянство также сильно распространено... В 16 армкорпусе пьянство сопровождается азартной и карточной игрой, что влияет разлагающе на красноармейцев. В 37 дивизии Запфронта имел место случай, когда пьяный начштаба одного из полков, обнажив шашку, кричал: “Бей жидов, спасай Россию”...»

Естественно, переведенная на мирное положение, звереющая от непривычного безделья армия была горючим материалом для любой антиправительственной деятельности. «В казармах эскадрона Белорусской дивизии отмечено распространение прокламации “Союза защиты родины и свободы”. Антисоветские группировки комсостава отмечены на Запфронте – одна монархическая в частях 4 армкорпуса и анархо-интеллигентская в 37 дивизии... В 6 кавдивизии отмечается резкое отрицательное отношение к коммунистам, в 32 полку раздавались заявления: “В случае войны будем бить коммунистов”. В частях связи имели место заявления, что в случае войны красноармейцы разбегутся или перейдут к белым. В 6 кавдивизии, 37 дивизии наблюдается рост антисемитизма... В 6 Чонгарской дивизии и 33 полку отмечены случаи отказа красноармейцев от исполнения распоряжений комсостава и падение дисциплины...»

И так по всем фронтам: рост антикоммунистических настроений, грубость, падение дисциплины – и пьянство, пьянство без конца... Пили все, от бойцов до командармов. Помощник начальника информотделения разведчасти Западного фронта Довбор был в 1920 году исключен из партии за то, что в пьяном виде явился на переговоры с поляками. Куда уж дальше!

С подвигами на «пьяном» фронте могли бы соперничать подвиги на «женском», если бы не определенная нехватка женщин в воинских частях. И все же...

«В Приволжском военном округе помощник командира роты в пьяном угаре разделся сам и раздел проститутку, с которой начал плясать русского. Остальные подняли стрельбу из револьверов, подняв много шума...

В Уральском военном округе попойки носили характер оргии, где некоторые жены комсостава танцевали чуть ли не нагими. Была попойка специально женская, на которой присутствовали все жены комсостава 20-го полка. Попойка продолжалась танцами, дебошами, руганью, и дошло до того, что случайно попавший командир был повален на пол, были спущены брюки, и ему стоило много трудов вырваться оттуда неизнасилованным».

Впрочем, с «распущенностью» боролись, иногда не без успеха. В 1924 году партийная ячейка одного кавалерийского полка выдала следующий документ: «Заслушав доклад о коммунистической этике и классовой морали, постановили... воздержаться всем членам ячейки от половых сношений в течение двух лет для того, чтобы показать пример не на словах, а на деле беспартийным массам».

Развлекались, как могли. После окончания войны внезапно вспыхнула эпидемия дуэлей среди командиров. В 1925 году в РККА произошло около 90 дуэлей. Из них 60 – со смертельным исходом: «товарищ маузер» и «товарищ наган» оказались получше традиционных дуэльных пистолетов, да и стреляли из них по-фронтовому. Положенное наказание – до 6 лет лишения свободы – командиров, только что прошедших тяжелейшую войну,

¹² Военком – военный комиссар.

не останавливало. (Любопытно, что такая же вспышка произошла в советской армии после введения в 1942 году новой формы с погонами и прочими атрибутами старого офицерства. Но тут уж явление задавили на корню, по законам военного времени.)

...С другой стороны, война окончилась, и хотелось жить красиво. Тот самый Довбор, которого исключили из партии за то, что пьяным явился на переговоры, в 1923 году после службы переодевался в штатский костюм, надевал шляпу, брал тросточку и шел развлекаться. Как – история умалчивает, но, должно быть, гулял хорошо, если его по этой причине обратно в партию так и не приняли. Но это, так сказать, развлечения армейской мелочи. «Наверху» все обстояло куда круче. После разгрома Колчака бывший начштаба Южного фронта И. Х. Паука был назначен начальником штаба войск Киевского округа. Прибыв в Киев, он первым делом занял губернаторский дом, где принялся давать приемы, на которые приглашал военную и партийную верхушку. Верхушка туда с удовольствием ходила. Бывший помощник Фрунзе В. А. Ольдерогге, ставший инспектором пехоты Украины и Крыма, привез с собой двух великолепных лошадей. Вскоре он стал устраивать на киевском ипподроме скачки, а его дочери держали там тотализатор, так что выручки хватало на красивую жизнь. Товарищи поняли революцию просто: были белые бере, а теперь будут красные бере, то есть мы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.